

18+

Олег Фурсин

Манана Какабадзе

Моисей, кто ты?

Олег Фурсин
Моисей, кто ты?

«Издательские решения»

Фурсин О.

Моисей, кто ты? / О. Фурсин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989383-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. На суд читателей мы, авторский тандем, представляем необычный формат: художественное произведение (исторический роман) и научную статью — как вишенку на торте. Если есть на сайте люди, не приемлющие никакого другого прочтения, кроме библейского, или свято хранящие в душе Пятикнижие Моисеево и каждое иное мнение считающие преступлением, огромная просьба: просто не читайте. Мы уважаем ваши взгляды, но отстаиваем право иметь свои.

ISBN 978-5-44-989383-3

© Фурсин О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 5. Рождения Мозе	24
Глава 6. Азазель	29
Глава 7. Первая казнь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Моисей, кто ты?

Олег Фурсин
Манана Какабадзе

© Олег Фурсин, 2020

© Манана Какабадзе, 2020

ISBN 978-5-4498-9383-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На суд читателей мы, авторский тандем, представляем необычный формат: художественное произведение (исторический роман) и научную статью – как вишенку на торте.

Существование Моисея, а значит, и правдивость книги «Исход», являются предметом постоянных споров. И среди археологов, и среди египтологов, и экспертов в области библейской критики.

Главы, написанные нами о Моисее, тем более спорны, мы ведь никак не можем и не хотим претендовать на знание истины, мы пишем романы, но не биографии, тем более биографии с таким сроком давности. Мы просто предлагаем миру свою версию того, кем был Моисей. Теоретическое обоснование тому, что есть в романе, главы из которого будут представлены на сайте, дано нами в статьях под общим названием «Моисей, кто ты?». Там есть ссылки на Зигмунда Фрейда, на ряд других, менее известных миру, но авторитетных авторов, есть размышления, логические доводы и прочая атрибутика, присущая научным статьям.

Но читателю, мало интересующемуся научной публицистикой, египтологией, чистой историей, наши статьи могут быть скучны. То ли дело роман, в котором есть живые герои. Они любят, ненавидят, радуются, страдают, живут и умирают; и всё это – на фоне дворцов Египта, песков пустыни, древних храмов. Все это в обрамлении тайны, посреди множества загадок. Лично мы предпочли бы именно такой вариант развлечения, при этом развлечения, не лишённого и исторического контекста, и знакомства с традициями древних народов, и с географией их передвижений. Словом, совмещение приятного с полезным.

Если есть на сайте люди, не приемлющие никакого другого прочтения, кроме библейского, или свято хранящие в душе Пятикнижие Моисеево, и каждое иное мнение считающие преступлением, огромная просьба: просто не читайте. Мы уважаем ваши взгляды, но отстаиваем право иметь свои. У нас нет намерения нанести вам оскорбление; но мы предполагаем, что литература обладает широкими правами и возможностями. Мы ими воспользовались...

Гл. 1. Исход.

Эта земля даже зимой не отдыхает, она вечно изнывает от солнца. Повсюду, куда ни кинешь взгляд – мертвая, покрытая глубокими изломанными трещинами пустыня. Если бы можно было подняться вверх, широко раскрыв крылья, и, опираясь на горячие потоки воздуха, воспарить на немыслимую высоту! Туда, к редким облакам на этом бездонном небе, и бросить потом взгляд вниз! Наверное, развернувшаяся сверху картина была бы не такой убо-

гой. Почему эта мысль пришла ему в голову, Мозе вряд бы объяснил. Сейчас нужно было бы решать, какой дорогой вести людей дальше, а не мечтать о полетах, ведь они подошли к границе Черной земли [1]. Там, впереди, свобода. Но одно, и только одно его неправильное решение... Свобода обернется гибелью его мечты, смертью десятков тысяч людей, идущих за ним.

Наверное, с высоты окружающая пустыня выглядела бы не так обреченно, сверху все выглядит величественней. Сверху земля кажется такой, какая она есть – красивой, до боли любимой... Она изъедена многочисленными морщинами, словно лицо старушки-матери, но при этом лицо это такое родное.

Решение надо принимать сейчас. Неправда, что оно будет сиюминутным, озарит мозг в данное мгновение. Уже давно эти мысли зародились, давно идет работа там, внутри. И днем, и ночью, и под проклятым, все умерщвляющим, солнцем, и холодной бодрящей ночью. Каждый миг он думает об этом.

Нет, все-таки она прекрасна, эта страшная земля. Да, действительно, там, где ветер не засыпал принесенным песком трещины, повсюду до самого горизонта она покрыта глубокими морщинами. Камнями, от маленьких до огромных валунов. И чем дальше к горизонту, тем необычней и красивее это зрелище. Ни за что не поверишь, что это создано иначе, чем умелой рукой великого мастера. И, однако, хватит перемалывать странные мысли, словно зёрна между жерновами, надо бы действовать.

– Аарон, – позвал Мозе брата. – Сколько повозок у нас, и сколько старых и больных людей?

Он не стал слушать ответ, тот ответ, который знал не хуже прочих. Перебил Аарона, начавшего было перечисление.

– Мы оставляем себе повозок триста, не больше. Все остальные освобождайте от еды и воды, загружайте. Я не знаю, чем, да вот хотя бы камнями. Главное, чтобы было видно – повозки забиты до предела. Сажайте в них тех, кто не может идти, но может управлять волами. А также отбери всех больных, которые смогут еще идти, пусть недолго, несколько дней. Стариков, чья жизнь и так прервется не сегодня, так завтра, и детей, которые умрут вскоре...

– А если мне не отдадут детей? Если будут спрашивать, зачем тебе, брат мой, их обреченные, но столь любимые родными жизни? Правильно ли я понял, что они должны послужить приманкой для египтян? Что сказать мне, когда родные отобранных мной возьмутся за камни, угрожая мне и моим людям?

Аарон как будто давно научился ничего не спрашивать, а лишь исполнять все, что ему скажет брат. Но сегодня тревога не позволила ему, кивнув головой, отойти в сторону.

– Обреченные – обречены Господом. Кому суждено спастись – спасутся. Напомни им о моей корзине, если кто забыл. Не Мариам меня вытасила из пучины, а рука Божья. Пусть женщины замолчат, как молчала Иеховеда...

Мозе усмехнулся недобро. Есть воля выше, чем людская. Он знает, он убежден, что познал эту волю. Многие, кто последовал за ним, не убеждены? Пусть ищут иной доли, но он, Мозе, им не помощник!

И Мозе сказал брату, все еще ждущему от него ответа, поскольку предшествующий его не устроил.

– Впрочем, у них есть выбор, пусть следуют за детьми своими, оставив мужей и тех, кто еще может спастись. Пусть умирают с теми, кто им дороже, мешать я не стану. Но если помешают мне!.. Аарон, оружие есть лишь у твоих людей, и у жрецов, которых я подчинил тебе тоже... наша жизнь в твоих руках. Не надо начинать с междоусобицы, но покажитесь людям во всем своем снаряжении, побренчите мечами громко и весело. Я учил тебя военному искусству не просто так, и если оно потребуется уже сегодня, твое умение, значит, так тому и быть, брат!

Аарон, получивший от брата согласие на применение силы в случае нужды, облегченно вздохнул. Он знал тех, кого суждено было ему возглавить, и не сомневался в необходимости крайних мер.

Надо быстро собрать и свое небольшое, но хорошо обученное войско, из бывших рабов. Тех, кто рабами были плохими, воинами стали хорошими. И тот поистине бесценный отряд, отряд египтян-жрецов, в котором каждый хорош во всем: и в бою, и в молитве, следует предупредить. Пожалуй, они обрадуются. Давно косятся на ведомый ими народ, плачущий и вздыхающий, жалующийся и ропщущий. Дай им мечами побряцать, они с удовольствием. Еще удерживать придется.

Мозе, проводив брата, явно распрямившего плечи, бросил взгляд туда, откуда восходит солнце. Невеселые мысли одолевали его. «Майя, главный распорядитель войска владыки обеих земель, не соберет больше двух-трех тысяч солдат, чтобы бросить их в погоню за нами. Непокойно в Египте самом, там нужны его люди. Посланник начальника чужеземных стран, отпрыск Па-Нехов [2], гиксос [3] по происхождению, даже не египтянин, придет ли он к нему на помощь? Станет ли он носиться со рвением в поисках каких-то рабов по голой равнине Мафкета [4], по пустыне с чахлой растительностью, окруженной цепью гор и холмов? Будем надеяться, что ему это не нужно...

Слава Атону, что это будут пехотинцы, а не всадники. Но даже пеший солдат передвигается в три-четыре раза быстрее моей толпы. И, несмотря на то, что в этой толпе больше пятидесяти тысяч людей, и из них более семи тысяч мужчин, что смогут сделать эти бывшие ремесленники, торговцы и земледельцы против хорошо вооруженных солдат? Сил Аарона хватит лишь на усмирение своих собственных людей, когда они вздумают вернуться на поругание в Египет, а они непременно вздумают, когда встретятся лицом к лицу с вооруженной армией. Нет, встреча с отрядом Майи и Па-Неха – это смерть... Я попытаюсь послать их по ложному следу. Вряд ли скупой Майя дал им много продовольствия, думаю, дней на пять-шесть. Сутки им нужны будут, чтобы догнать повозки. Еще сутки, чтобы вернуться назад, когда поймут, что их перехитрили. Остается ещё два дня, чтобы дойти до чужих и совсем неподвластных Та-Кемет земель, что же мне делать с этими лишними днями...».

К вечеру более семисот повозок и более полутора тысяч людей отделились от основного отряда, двинулись в направлении завтрашнего восхода солнца. Немногие родители решились разделить участь своих больных детей. Немногие, но не все. Не обошлось без столкновения. Мозе, провожавший толпу глазами, не преминул увидеть того, кто был отнюдь не болен, и совершенно точно нужен ему.

– Аарон, почему Нуна среди уходящих? – обернулся Мозе к стоящему за спиной брату, в эти трудные дни точно сделавшемуся его тенью. – Один из лучших твоих воинов, почему он здесь?

– Ты же знаешь, Мозе, что жена его, отнюдь не молодуха, умерла, родив ребенка. Старший сын здоров, крепок и телом, и духом. Младший же, месяц ему отроду, что ж тут поделаешь... У кормящей соседки молока было много, Нуна поначалу прикармливал мальчика у щедрой груди. Да только бегство ее подкосило, тревоги последних дней не прошли бесследно. Молока едва хватает для собственного ребенка, у нее дочь. Соседка отказала Нуну дня два назад, мальчик надрывается криком вторые сутки, но скоро, как видно, замолчит. Шломо оставил старшего, поручив его моим заботам. И пошел с тем, кто дороже его сердцу. Я не мог препятствовать, Нуна любил жену, и любовь эту перенес на сына. С его смертью умрет и Нуна, какая разница, где это случится?!

– Ты глупец, Аарон! Если и суждено воину умереть, то не без толку, не проливая слез, а в бою и во славу Господа своего! Верните мне воина, которого я взрастил, он не отдал мне и половины долга!

Аарон стоял в нерешительности, не отдавая приказа.

– Я говорю тебе – вернуть мне его! Пусть гибнет за весь народ, не за одного лишь сына. Что есть твой сын без народа твоего? Песчинка в пустыне? А среди народа своего? Он – столп его благополучия, его оплот и его надежда! Верните его, и свяжите веревками, если понадобится. Пусть старший сын сидит у него в ногах и призывает к жизни. Младшего отдать на руки любой из женщин, что в повозках.

Не дожидаясь приказа Аарона, бросились его люди к Нуна, оторвали ребенка от груди отца, бросили на руки ошеломленной женщине, вдове, что уходила вместе со своей пятилетней малышкой, слепой от роду девочкой, в неизвестность. Мальчик надрывался плачем, словно зная свою судьбу. Отец сражался молча и с остервенением. Но, опрокинутый на землю своими товарищами, потерял силы к сопротивлению. Крики его огласили пустыню. Встав на колени, протягивал он руки к уезжавшей повозке, удерживаемый пятью парами не знающих жалости рук. Дотянулся до рта, грыз окровавленными губами камень, зажатый в руке, плакал...

Его связали и повезли, связанного. Сквозь зубы цедил он проклятия Моше, одно страшнее другого, и не было от них противоядия. Даже у того, кто был служителем Атона [5] в Гелиополисе [6], и имел в душе много силы и знания, больше, чем у большинства живущих на земле. Ибо не один Нуна проклинал имя Моше. Отводя взоры, приковывая глаза к песку и камням, сквозь судорожно стиснутые губы, самым сердцем своим проклинали Моше те, кого он хотел спасти. Долго еще были слышны вой, и плач, и скрежет зубовой среди тех, кого развозила в разные стороны воля Моше.

Мальчик, лет двенадцати-тринадцати, тенью скользнул в повозку, прилег рядом с отцом. Прижался всем телом к родителю, ища защиты. Волей-неволей смолк Нуна, судороги рыданий перестали сотрясать его. Сын рядом обязывал, требовал внимания, мужчина, отец проснулся в Нуну и собирал волю в кулак...

Спасаемые пошли на юг, вдоль каменистого берега Черного моря [7]. На мелких камнях почти не видны были следы от повозок и шагов. Там же, где попадались песчаные места, Моше приказал отобранным им юношам листьями пальм заметать следы, собирать навоз, а также остатки мусора, неосторожно обронённого уставшими людьми.

К полуночи показалась сверкающая в лунном свете полоса морской воды. Хотелось остановиться, омыть уставшие тела, поплескаться в теплой и ласковой воде. Детей не остановить. Те из них, кто не спал в повозках, уже побежали в воду. Правда, без обычного шума, без ликующих криков. Как же быстро осознали они свою отверженность, свое бегство. Взрослые же и вовсе не остановились. Уж они-то понимали, что если сейчас позволить себе окунуться в воду, то через несколько часов солдаты фараона могут их омыть их в их же собственной крови. Дети догонят караван, у них много сил, несмотря на кажущуюся слабость.

«Два дня... два дня... Что же придумать? Выбора большого нет. Надо отобрать два отряда мужчин, тысячи по три каждый, и на расстоянии одного дневного перехода друг от друга расставить их в пустыне. Что может сделать один отряд, плохо вооруженный и не умеющий по большому счету сражаться? Если отряд успеет сделать хоть какое-то подобие укрепления – это два-три часа избиения, еще часа два-три отдыха и мародерства египетских солдат. Допустим, еще два-три часа похорон погибших с их стороны, а их будет не так уж много – человек сто пятьдесят-двести. Ради своих воинов Майя не станет устраивать похоронных церемоний, где это видано – оказывать почести воину, может, еще и бальзамировать трупы прямо в пустыне? При всей трепетности египтян к делам загробным, ждуть от больших хлопот о посмертной жизни слуг не приходится. Потомок гиксосов, презренный отпрыск Па-Нехов тем более не озаботится похоронами. Снова дорога, и снова семь-восемь часов задержки. После второго разбитого отряда они вряд ли пойдут дальше. Если же пойдут – то это смерть всем...»

Глава 2. Азазель. Начало легенды.

Стоя на коленях, приветствовал Мозе восход Светила. Так начинал он свой день, – двадцатый, тридцатый, а потом и сотый, и тысячный в пустыне – любой. Солнце было лишь ликом великого существа, которому он поклонялся, одним из многих ликов. Не Солнцу кланялся пророк, а той сути, которая стояла за ним. Объяснить это толпе, которую вел, он затруднился бы, пожалуй. Кто-то мог ненароком решить, что предводитель, весьма почитаемый ими, именно к солнцу несет свои молитвы, в то время как сам Мозе просто предпочитал этот великий лик Существа более других. Он знал, что можно заглянуть в глаза другу, или ухватить случайно пласт желто-розового песка пустыни, и при этом встретиться взором с тем, чья сущность непостижима человеку. Все вокруг было пронизано Существом, называемом людьми и самим Мозе Богом...

Именно поэтому Мозе прятался ото всех во время молитвы. Лишь Аарон прикрывал спину брата. Что он думал при этом, кто же знал? Мозе, понимая, что не прав по существу, не хотел вникать, тем не менее, в то, что думает брат. Казалось, что Аарон понимает. Кроме согласия Божьего, необходимо человеку и согласие, понимание человеческих существ рядом, близких духом. Мозе мог обманывать себя, но был рад обманываться. Брат молчал, соглашаясь с поступками Мозе, и хотелось думать, что он-то понимает...

«Слава тебе, о великий Атон! Слава тебе, что, создавая всех людей по своему подобию, ты создал их такими разными. Слава тебе, и благодарю, что создавая меня, ты не пожалел своего драгоценного времени. Вложив в меня частичку мудрости и сознания твоего... Слава твоему терпению, ибо только сейчас я осознал, как необходимо оно тебе... Слава тебе, что не оставляешь меня одного посреди этой толпы, и даешь мне ответы на все поставленные вопросы...».

Он не чувствовал боли в коленях или в согнутой спине. Когда он размышлял, обращался к Божеству, его человеческая сущность – слабая, податливая, несовершенная – молчала.

«Прошло немало времени с тех пор, как я покинул Черную землю и вывел свой народ за ее пределы. Сделано нами это. Впрочем, все относительно, и мой брат до сих пор со страхом вглядывается в ту сторону, на север, страшась разглядеть за холмами египетских воинов. Время для него остановилось где-то на границе нашей свободы и нашего рабства. Для меня же за это время многое произошло...».

Произошло именно то, чего я ждал с таким нетерпением. Они, кого я вывел из неволи и кому дал такую трудную, но все-таки свободу, уже не один раз падали на колени, провозглашая меня богом. И столько же, если не более раз, проклинали меня, упрямое существо, лишившее их крова над головой и привычной жизни. Многие, пугая по ночам моим именем своих чумазных отпрысков, добиваются повинования от самых непокорных. И это ли не доказательство тому, как сами они меня боятся?».

Мозе невольно оглянулся на брата, тут же встретил ответный непроницаемый взор. Сила Аарона – не в размышлении, не в вере, но в беспрекословном подчинении. Так учил его Мозе, воспитывая безупречного воина. Воспитал! Конечно, Аарон – часть того, чем стал для своего народа Мозе. Часть большого насилия, обрушившегося на их сознание, лишившего их воли. Они боятся Аарона и его воинства как огня. Но разве не более боятся они Мозе, человека, знающего волю Бога? Мало кто из них, из народа рабов, способен встретить его взгляд без колебаний, без дрожи невольного ужаса, как это делает Аарон. Ибо Аарон служит, а они боятся. Боятся Мозе и его всеильного Бога, сумевшего поднять их с насиженных мест, погнавшего их искать доли свободных людей, не рабов...

«Оба отряда, оставленных мною защитой от египтян, вернулись в наш огромный, постоянно убегающий от судьбы лагерь. Радость от их благополучного прибытия скрасила для меня известие о событии, которое потом еще много месяцев преследовало мой народ. Да, теперь я смело могу сказать... Это мой народ!».

Мозе улыбнулся. Распрямил плечи, впервые за долгое время ощутив, что сведенные руки и согнутая спина беспокоят, ноют. Пожалуй, и колени уже онемели. Он столько дней шел впереди своего народа, самым первым, самым заметным. Шел так, что растянувшейся по пустыне бесчисленной толпе и с равнины, и с холмов непременно была видна его спина, его бодрая поступь, его посох. Тело устало, и никакая прежняя тренировка уже не в силах справиться с нагрузкой. Если бы еще спать всю ночь, отбросив заботы дня, как его люди. Увы, отдых не давался.

Одиннадцать дней, первые из числа тех, которые прошли не в рабстве, но в бегстве от него. Что было в них главным? Мозе вспоминал...

Оба отряда действительно пришли почти целыми. Поначалу никто не посмел сказать Мозе, что каждую ночь отряд терял часть охраняющих его людей. Их находили всегда под утро с перерезанным горлом и вспоротым животом. Еда, оружие, нехитрый скарб всегда оставались нетронутыми...

Страх поселился в душах, но страх перед пророком оказался сильнее, и все молчали.

То, что свершалось каждую ночь, утром представало перед ними в своей обезоруживающей, кровавой правде, сея сомнение в душах. Даже Аарон, воин без страха и упрека, отводил свои привычные ко всякой мерзости глаза...

Это продолжилось. Каждый ночлег уходящего все дальше от Кемет лагеря заканчивался кроваво, страшно. Скрывать более не было возможности, крики ужаса и рыдания близких доносились до ушей Мозе каждое утро. Лагерь по ночам озарялся всполохами огня костров, факелов. Но это не помогало, каждое утро находили пять-шесть человек с перерезанным горлом и вспоротым животом. Измученная страхом и бессонницей толпа обрушила поначалу весь свой гнев на мужчин, которые были в отрядах, защищающих основной лагерь от солдат фараона... Их обвинили в бесчинстве и нарушении воли богов. Но, быстро разобравшись, что в отряде было около шести тысяч мужчин, и они представляли почти каждую семью, толпа ненадолго затаилась, видимо, в поисках нового врага.

Людское сообщество не может существовать без двух явлений – страха, плохого божества, и надежды на преодоление страха, доброго божества. После недолгого раздумья более сорока тысяч пар глаз устремили свой взор в сторону Мозе. Он ощущал всей своей кожей, что если он не объяснит им все, и значит, покажет им причину бед, плохого бога, все мечты о великом будущем его народа и великом Боге так и останутся мечтами, и даже дарованная им свобода не остановит их.

Он верил в Атона. Но знал также, что есть в мире нечто, мешающее простым смертным склониться перед его всепобеждающей силой. Иначе как же случилось то, что отвернулся Египет от прекрасного лика? Со смертью Эхнатона рухнула возвеличенная им вера. И теперь Мозе с горсткой своих египтян уводил чужой народ, в котором хотел возродиться Атон. И врагов у них было немало. От преследующих сил фараона до того, кто похищал чужие жизни в лагере.

Что-то подсказывало Мозе: то, что происходит по ночам – дело рук человеческих. И лишь потом – проявление малопонятных, но вездесущих сил противления добру. Он не хотел проиграть этот бой. Чем отличается великий человек от обычного, незаметного? Великий человек даже свой проигрыш превращает в победу.

Ему нужно было подчинение народа своей воле, исполнение его мыслей, и для этого нужен был страх. Осознание большинством того, что только при исполнении всех приказов их оставит преследовать злое божество. Но оно будет существовать вечно, вечно на страже их неповиновения и неподчинения.

Злое божество, не обладающее силой творить, но всякое чистое и доброе творение Атона могущее испортить, заронить в него зерно зла. Источник бед, болезней, неурожая, ядовитых растений, хищных зверей.

Всякое, обнаруживаемое в человеке или по лености души, или по вялости духа безразличие в отношении к Богу, знаменует отвращенность от добра и открытость злу. Потакание какой-либо склонности, например, означает потворствование злу.

Существование зла – своего рода условие или непременно сопутствующее обстоятельство существования добра. Зло только следует использовать разумно, вот и все.

Что бы или кто бы ни были источником смертей в лагере, «это» надо найти. Следует прервать череду бед, следует объявить, что они возникнут снова, если найдутся отступники от общего дела, которое называется: единый Бог.

Искать они искали, и ещё как! Каждую ночь вдвоём с Аароном набивали синяки и шишки, ползали по окрестным скалам. Болела спина, и немилосердно болело место под спиной, которым обтирали они скалы, съезжая вниз.

Мозе вспоминал...

Мозе был не один, когда создавал нового Бога для народа своего. Помимо Аарона, был у него помощник. Говоря по правде, он уже не ждал возвращения Мери-та-Атон к жизни. Но это случилось, к счастью!

Приемная мать была измучена до крайности, истощена. Ничто не волновало ее, казалось, в первые дни их бегства. Мозе сомневался, видит ли она что-то вообще, ощущает ли. Она предпочитала молчание разговорам, всем существом стремилась уйти подальше ото всех. Женщина, чьи ноги ступали ранее лишь по изразцовым плитам, месила, как все, этими нежными, балованными ножками песок, не жалуясь ни на что, ни о чем не прося. Ей была выделена повозка. Но Мозе и Аарон видели часто, что соскальзывала она со ступенек, и шла, шла, и на лице ее было выражение такое, что даже они боялись сказать ей что-либо, остановить. Ей было тяжело, наверно. Той, что в жизни своей была обожествлена, была владычицей Верхней и Нижней земель, быть окруженной стадом человеческим, ей чуждым совершенно. Здесь, в пути, уединение было невозможно, даже в минуты, когда человеческие естественные потребности настоятельно требуют уединения, отсутствия кого бы то ни было рядом. Это должно было смущать ее, по мнению Мозе, более всего. Он пытался дать ей больше, чем другим: и уюта, и еды сложней, чем у других, и тишины...

Но Мери-та-Атон, жрица Атона, худая, высокая женщина с миндалевидными глазами, в которых навсегда поселилась печаль по ушедшему мужу, по маленькой дочери, по величию, которое отобрали у ней, возражала. Однажды, когда вечером ей принесли еды, чуть более сложной, чем опресноки и поникшая зелень, и пытались подоткнуть под спину что-то мягкое, по приказу Мозе, она легко оторвалась от скалы, у подножия которой устроилась на ночлег. Подошла к костру, где Мозе советовался с Аароном. Почтительно стояла поодаль стража Аарона, его воины; отряд жрецов Атона, расположившись у других костров, несколько в стороне, занимался чтением гимнов, тихим распеванием строк, по очередности, по старшинству.

Шумел, кашлял, чихал, храпел, блеял, мычал, смеялся и плакал стан за ними, растянувшийся на тысячи и тысячи шагов в сторону севера, откуда они пришли...

Никто не осмелился бы прервать разговор Мозе с Аароном, кроме нее. А она могла. Мужчины взглянули на нее с уважением, Аарон привстал, чтоб устроить ее у ног Мозе.

– Ты дал мне больше, сын, чем я могла ждать – сказала она. – Ты дал мне надежду. А хочешь добавить к этому такие пустяки. Несущественно, что есть, несущественно, где спать. Не страшно, что сбиты ноги, все равно, я не чувствую их. Та боль, что жила в сердце, она уходит. А что такое ноги в сравнении с сердцем?

Они помолчали, ощущая оба, что тепло, ничего общего не имеющее с теплом от костра, согрело обоих. Впервые Мери-та-Амон говорила о своем горе. Те короткие фразы, которыми она отделялась все последнее время, беседой не назовешь.

Мозе коснулся ее головы, провел рукой по волосам. Она не отстранилась, божественная и неприступная до сих пор женщина. Его приемная мать. Раньше он не осмеливался ласкать

ее. Но раньше она была египетской принцессой, а потом женой фараона, божеством Кемет. Жрицей Атона, наконец...

Жрицей Атона она осталась. Об этом свидетельствовали слова ее.

– Я не брала ничего из прошлой жизни. Не хотела, и не успела бы, когда бы и хотела. Но в стане твоём, Мозе... нет, в нашем стане, сын, найдется ли кто-то, кто даст мне тимпан[2]? У жрецов, конечно, есть сестры[3], я слышала бряцание их. Я буду петь завтра. Прикажи жрецам Атона помочь мне. На рассвете мы будем петь Ему. Мать моя, Нефер-Неферу-Атон Нефертити[4] голосом своим, как говорят, сводила Атона с небосвода в храм. Я сделаю то же для наших людей. Они достойны этого: они ушли из обеих Земель.

– Завтра на рассвете мы будем служить Атону, Мери-та-Атон – взволнованно отвечал ей Мозе. – Ты низведешь нам сияние Его в стан. Люди должны знать, что они все-таки ушли, ты права. Пусть завтра будет праздник...

Глава 3. Мери-Ра. Верховный Жрец.

– Ты должен мне, жрец, – сказал Мозе. – Я знаю только то, чем обязан тебе. Но давно догадываюсь, что и ты мне должен. Ты решал за меня много лет. Я покорялся: всё было не так уж и плохо. А теперь скажи, могло ли быть лучше? Или хуже? Кто я? Была бы судьба моя другой, когда бы ни ты?

Но прежде, чем сказать все это Мери-Ра [1], Мозе сделал немало другого.

Он оставил свой лагерь в долине, долго шел один по гористым холмам. Он оставил их всех, даже Аарона, укорявшего его за неосторожность неоднократно, в местности возле вод, что были теплыми. Можно было омыться, залечить царапины и раны, вдоволь напиться, отдохнуть. «Сладкая» вода для питья и купания, чего еще больше желать?

К Храму Хатхор просто не мог привести Мозе всех. Он не мог указать перстом на Мери-Ра, сделать его прибежище явным. Тем более, не мог он это сделать... будучи окружен рабами. Он не признавался себе в этом, молчал даже в мыслях. И, тем не менее, он знал: выдать Мери-Ра и Храм Хатхор в горах нельзя.

«О Херу [2], – думал он, – Бирюзовая владычица [3], убереги моих спутников от соблазна твоих камней, от сияния их и блеска, ибо они всего лишь дети малые, могущие променять на этот блеск истинное и вечное сияние Атона в небесах».

Он шел достаточно, чтоб утомиться, но усталости не чувствовал.

Он шел к той, что ждала его в разных храмах – одною и той же. Мозе знал, что поднявшись по ступеням, ведущим к Хозяйке Бирюзы, увидит её милое, родное лицо с удлиненными глазами, с чувственными губами, которых едва коснулась улыбка. Обязательно проведет рукой по основанию колонны, которую венчает лицо Хатхор; всего-то чужого в ней, отличающего богиню от обычной девушки, это её коровьи уши, но даже они милее ему, кажется, чем...

Брак Мозе едва ли можно было назвать удачным. Сепфора [4], дочь Мери-Ра, стала его женою. Несколько лет назад Мери-Ра распорядился: «Пусть приведут Сепфору в дом Джехутимесу [5] следующей ночью, я пошлю с ней превосходные дары!». Когда могли бы сказать они оба «нет»? В то мгновение, когда распаренный пивом и гранатовым соком на празднике Хатхор [6], Мери-Ра прилюдно сказал это? Или потом, когда пышная процессия, сопровождавшая Сепфору в новый дом, смеялась и пела, вокруг раздавались поздравления и пожелания? Когда вообще мог он сказать «нет» Мери-Ра?

Мозе подарил ей цветы, когда шел к своему дому, оглушенный всеобщей радостью поздравляющих, и впервые коснулся её руки своею. Ничего, кроме прикосновения. Ничего. А один лишь взгляд на ту, которую он любил, вызывал в нем такую смесь чувств от восторга до отчаяния, такое головокружение и боль в груди; он задыхался от горя, что не любим, но радовался одной только возможности быть рядом...

Сепфора стала хорошей женой. Несмотря на очевидное его равнодушие, на холодность, которые она, по-видимому, просто не замечала. Мозе осознал: не то, чтоб не хотела замечать, тогда был бы другой расклад. И впрямь не замечала. При том, что не была она глупой, могла бы и осознать свою беду, и быть в ответ хотя бы колючей и злой, высказывать обиды. Или таить их, подчеркнуто от Мозе отстраняясь.

Ничего этого не было. Она защищала его, казалось, и в сердце своём. И во мнении других людей.

Однажды слышал он, как говорила она с сыном. Гершом [7] спросил:

– Как вы узнали друг друга, мама? Ты и отец, сестра и брат? [8]

Мозе ждал ответа с интересом. Что можно было сказать о том, как они узнали друг друга? Он не мог бы вспомнить, когда бы и захотелось. Одна из дочерей Мери-Ра, одна из многих дочерей. В те времена, когда он уже был вхож в их дом, видел каждую по нескольку раз, не заботился о том, чтобы помнить имена.

Он услышал в ответ то, что поразило. Никогда и ничего подобного он не мог бы придумать, и он не знал, что она способна слагать любовные песни.

– У твоего деда, которого знаешь ты, Гершом, как Рагуила [9], друга Бога, были богатые стада овец. И какие были овцы, мой мальчик: и шерстистые, и мясистые... Мы помогали отцу во всем, а было у него семь дочерей. Однажды вышли мы к окрестному колодцу за водой, чтоб напоить своих овец. И даже набрали воды, только насмеялись над нами окрестные пастухи. Отняли они у нас воду, и ушли мы было, совсем ушли от колодца. Злые слезы закипали в наших глазах. Я просила сестер своих удержаться от слез, чтоб не обрадовать наших обидчиков, и поспешили мы к отцу своему за защитой. Но тут возник твой отец, видел он, как посмеялись над нами негодники-пастухи. Он разогнал наших обидчиков, палкой гнал он их, не оскверняя свой меч, который берег для других, великих дел...

Конечно, говорить мальчику о том, кем был его дед, вначале пленник своей страны, а затем беглец из неё, было рано. Конечно, следовало приукрасить весьма блеклую историю их любви, её и Мозе. Но чтобы рассказать такую небывлицу!

Может быть, вот так преподнесла она действительную историю их спасения, Мери-Ра и его дочерей, не без помощи Мозе случившегося, иносказательно, так, как мог бы услышать и понять её ребёнок. Но такого яркого, чудного рассказа он не мог ждать от Сепфоры. От молчаливой Сепфоры, от Сепфоры-несчастливцы. Что-то вроде уважения проснулось в его душе, но он смолчал, не проявил свою благодарность ей за то, что приподняла она их обоих над печальной действительностью...

Дорогу осилит идущий. Мозе дошёл до храма Бирюзовой Хат-Хор, и прижал к себе зардевшуюся Сепфору, и обнял сына, и поклонился Мери-Ра. А потом прозвучали все эти вопросы. Стоя перед Мери-Ра, спросил Мозе:

– Ты должен мне, жрец. Я знаю только то, чем обязан тебе. Но давно догадываюсь, что и ты мне должен. Ты решал за меня много лет. Я покорялся: всё было не так уж и плохо. А теперь скажи, могло ли быть лучше? Или хуже? Кто я? Была бы судьба моя другой, когда бы ни ты?

Мери-Ра был оскорблен в определенной мере. Уже очень давно никто не позволял себе называть его просто «жрецом» и требовать ответа. Или, вернее, как только разрешили, он покинул родную страну, оставшись тем самым в среде тех, кто не позволял себе подобного. Пусть число его поклонников стало значительно меньше, но требующих от него отчёта среди них не было.

Но и этот человек, его зять, тоже был теперь тем, кому подчинились люди. Кто бы они ни были. Сегодня рабы, завтра... нет, сразу завтра не получится. Через поколение, через два, три – начнется отсчет. Пятьдесят, шестьдесят тысяч человек смотрят на Мозе если не как Бога, то как на пророка и предводителя. Они не зовут его Тутмосом [10], зовут Мозе. Да, они зовут

своего пророка «малышом», «мальчиком», ведь это и есть «мозе» по-египетски. Составная часть имени стала полным именем, только звучит иначе, не так, как звучит в устах египтян. Они говорят «Моше». Это, правда, не самое важное. Важнее то, что мальчик и впрямь уж не мальчик. Он вырос куда более, чем можно было предположить. И, кажется, надо дать ему ответ. Просто потому, что уже надо. Ещё полтора, два, тем более три года назад можно было бы отмахнуться, как от мухи. А сегодня надо ответить. Он это заслужил...

– Я расскажу тебе, Джехутимесу.

Жестом руки он предложил Тутмосу-Мозе устроиться на подушках. Мозе не возражал, впрочем, опускаясь, поморщился недовольно: напоминали о себе старые раны, плохо гнулась нога, и в боку тянуло. Прилегли. Но долго молчали. Им подали вино, и фрукты, и сладости. Когда удалились все, и Сепфора, тревожно выглядывающая из-за угла, тоже была изгнана отцом движением то ли глаз, то ли бровей, он начал свой рассказ. Временами, когда уставал, прикладывался к чаше, черпая в ней то мужество, то источник вдохновения. Мозе же забыл обо всем. Он устремился всем своим существом к тому, что было его прошлым. Настолько давним прошлым, что он его не знал. Такое давнее своё прошлое не помнит никто из людей. Но, по крайней мере, есть вокруг те, кто расскажет. Ему же, Мозе, дорога в прошлое была совсем закрыта до сегодняшнего дня. Он испытывал небывалое волнение и подъём...

– В могущественном городе лучезарного Атона, великом в своём очаровании и полном богатств, узрел ты свет, Джехутимесу. Вас было двое, сын мой. Два мальчика у матери, которая любила вас безмерно, но очень недолго. Просто потому, что не дали, а она бы хотела...

Мозе взволновался донельзя. Он встал на колени; руки сжимали подушку, шитую золотом; по лбу катились капли пота. Внимательный наблюдатель заметил бы проблеск догадки, полыхнувший в глазах, но всё еще не подтвержденной догадки, а спросить он не осмеливался, не мог; губы сводило судорогой.

Но Мери-Ра на Тутмоса не смотрел. Он тоже ушёл в прошлое. Быть может, не столько в прошлое Мозе, сколько в своё...

– Для тех, кто приветствовал рождение детей фараона в то мгновение, настал трудный час. Час, когда решалось многое в судьбе Кемет и его людей. Мальчиков было двое. Впервые два наследника оказалось у страны, рождённых одною женщиной, когда её час настал. Но не было ещё, чтоб у Кемет стало в один час сразу две судьбы.

– Я – сын фараона? – спросил Мозе потрясённо. – Я – брат Тутанхатона? [11] Близнец! Мери-та-Атон знала, и потому, потому ласкала, потому берегла... Но почему? Почему я здесь, когда так? Ты, жрец? Ты, любитель решать за других? Это ты?!

Мозе вскочил на ноги. На лице его изобразилось крайнее негодование. На сей раз он не почувствовал ни того, как плохо разогнулась нога, или как потянуло в боку слева. Не до того было. Он чувствовал, что вздулись жилы на лбу, и слышал биение крови в ушах.

Но жрец даже не видел Мозе. Глаза в лучах множества морщин были погружены в прошлое, которое он как раз видел, но которое недоступно было его собеседнику. Впрочем, он ответил своему зятю, ответил уклончиво, сказал полуправду:

– Нет. Нет, не я.

Потому что правдой было то, что не он решал судьбу ребёнка в то мгновение, но не в другие.

– Родись ты первым, всё было бы иначе. Странно, что так решила судьба. Твой брат проявил себя созданием, склонным к тишине, покою и благополучию. Ты же с малых лет был задирист, шумен и не склонен к покою. Что стоило тебе подраться там, в её теплой утробе, за то, чтобы выйти? Зачем обвинять меня в том, в чём я не могу быть повинен? Судьбы людей в руках Атона, но не моих. Пусть я и Верховный Жрец его, но человек, а посему...

Раздавленный сознанием потери, Тутмос-Мозе застыл над жрецом. Слёзы стояли в его глазах, и он с трудом удерживался от рыдания.

– Я стал говорить с тобой, Джехутимесу, потому, что полагал тебя взрослым. Так будь же им, сын мой. Разве не учили тебя тому, что судьба твоя вовсе не твоя судьба на деле, а то, что выбрано для тебя Иным. Разве знаешь ты, что хорош был бы твой выбор, а не Его? Я полагал, что уж этому мы тебя научили...

Мозе тоже полагал, что это так; только уж слишком многое дали и отняли, вот прямо сейчас, а не тогда, много лет назад. Какие-то сомнения жили всё это время в нём. Одно дело сомнения, другое дело знание. Точное знание оказалось совершенно неподъёмным для него. А ведь было время подготовиться.

– Присядь, ты мешаешь течению моих мыслей, – сказал жрец. – Не люблю я этого. Когда делают вид, что совсем ни о чем не догадываются, ничего не знали. Ты не был вне семьи. Ты был рядом с отцом, и ты знал о своем сходстве с его наследником. То, что это сходство старались стереть, ты тоже видел, мог догадываться. И не в разных мастерах, бривших вам голову, не в одежде главное. Тебя воспитали сильным, крепким, ты рос на воле. Оттого мышцы твои налились, и рядом с наследником ты выглядел вдвое большим. Но черты лица, но телосложение, и даже общий недостаток, из-за которого вам так трудно говорить... И после этого ты делаешь вид, что не догадывался ни о чем!

– Я думал о том, что была тайная встреча фараона с женщиной высокого рода, но это был предел мечтаний. Чаще думал о том, что одна из замужних сестер его... поддалась телесному стремлению... хотели сокрыть и оказали милость мне. Милость! Я думал, что это была милость! Ты не видишь разницу, жрец, между отнятием права и подачей милостыни?

Мери-Ра молчал ещё некоторое время, всё не мог собраться, даже после того, как Мозе, устав ждать ответа, сел.

– Со временем твоего рождения тоже сложилось как-то трудно. Ещё не закатилась звезда той, что звали Нефер-Неферу-Атон Нефертити, но было и это далеко не за горами. Умерла Макетатон [12]. Великое то было горе для семьи фараоновой. Женщина, что рожала девочек, была любима твоим отцом. Но тут она сломалась. Потухли её глаза для властелина, а женщина, которая плачет, рыдает и жалуется на судьбу, поначалу бывает ещё интересна, потом её жалеют; потом она надоедает, затем противна...

– Не нашлось для неё учителя? – с недоумением спросил Мозе. – Или мне только показалось, что ты бывал повсюду, где было нужно утешить? Или необходимо научить!

– Ты волен не любить эту женщину, и будешь прав, поскольку и она тебя невзлюбила, ещё в утробе матери. Ревность – плохая почва для любви. А фараон дал ей повод для ревности. Вначале это была Кийя [13]. Казалось, нет ничего более противоположного Нефертити, чем эта азиатка, хоть и были они одного народа и одной крови. Та высока и стройна, эта – приземиста и плотна. Та умна и образованна, поёт, покровительствует искусствам. Придворный скульптор Тутмос благословлял Нефертити за одно то, что часами могла она стоять напротив него, пока мял он пальцами глину, лепил её высокий образ. И дорожил её советами. А Кийя! Что она против Нефертити. Но великий фараон будто с ума сошёл... Молодость, молодость Кийи... и слишком долгая его любовь к Божественной. Он словно вынырнул из глубокого омута, в котором чуть было не задохнулся. И это был именно омут его любви к Нефертити. Он задышал полной грудью рядом с Кией...

– Пока она не родила девочку?

В голосе Мозе достало язвительности, Мери-Ра покачал головой. Потёр переносицу, хмурясь Потом вдруг снова улыбнулся.

– Пока она не родила девочку, да. И это было горько ему. Она видела, начала плакать... Дальше ты знаешь. – Дальше я знаю, – улыбнулся и Мозе. Пусть коротко, сквозь неохоту и неприязнь к жрецу, но улыбнулся.

– В доме повелителя обеих земель достало женщин. До того скучали они, теперь ожили. А потом взор его упал на Небетах [14].

– Мать Тутанхатона. И моя...

– Да, – отвечал жрец. Так. – И сестра фараона, родная. Ты знаешь, как много это значило. Она стала его женой с радостью. Он не был плохим братом. Что её ждало? Увядание? Замужество с одним из вельмож, быть может, из немху [15]? Так случилось с Мери-та-Атон, которую звал ты приёмною матерью, а она была тебе сестрой. Что из этого вышло, ты тоже знаешь, и предположить заранее это было можно. Её муж и дитя убиты. Сама она отстранена от власти, всё равно, что мертва...

Они помолчали оба, хмурясь, всею душой противясь быть может справедливой, но жестокой мысли. Мери-Ра продолжил: – Небетах была сестрой фараона, и выросла у его коленей. Мать оставила ей немало. Нашёлся бы тот, кто разделил её долю. Но дочь фараона слишком дорогой цветок, чтоб расти в придорожной пыли. И не этого ей хотелось.

– Как они... Как он...

– Не так, как к Нефертити. И даже не так, как к Кийе. Они были равны друг к другу. Знаешь, масло, бывает, чадит в светильнике, шипит и брызжет, а иногда горит ровно, освещая всё вокруг пусть неярким, зато постоянным светом. Он был нежен с ней. Она был его крови, родная. Это чувствовалось. Он не пылал, не страдал, не рвался. Но было ему хорошо. Он дал ей имя Бакетатон [16], как полагалось, но звал её «птичкой» своею, светом...

Долго говорил в ту ночь Мери-Ра, долго. Всё меньше перебивал его Мозе, меньше оставалось у него вопросов. И речь жреца приобретала характер монолога. И рассказывал он не Тутмосу даже, а как бы себе, уставляясь взором во что-то ему одному видимое, дальнее. Только хлебал вина иногда. И вздыхал, тяжело, глубоко, освобождаясь, казалось, от какого-то очень тяжелого груза.

«Трудные то были времена. Божественная теряла свою силу. Больше не пел с нею вместе Эхнатон гимны в Храме, не служил у жертвенников. Не являли они свои светлые лица Атону по утрам, выйдя из опочивальни. Её голос, что сводил самого Атона к земле ради нас, не был более слышен.

Эхнатон, Божественный твой отец, почти отвернулся от нас в те дни. И вернулся к старым богам. А вместе с ними к тем, кто служил им. И прежде всего, к жрецам Амон-Ра. Твоя бабушка, великая Тийе [17], немало поспособствовала этому. Но много было и других причин. Не разлад с Нефертити, хотя, конечно, и это важно: Божественная оставалась верна до конца. И пыталась помочь. Но отец твой отвернул лицо своё от нас, гневался. Ты достаточно умён и образован, чтоб помнить: враги Кемет подняли головы повсюду, где только можно. Страна нищала. Не было наследника... роптали многие, даже из немху. Забывая, что Атон повсюду. Что «Любимец царя благословен, но нет могилы для человека, враждебного его величеству, тело его будет брошено в воду».

Мы просили Атона, мы приносили жертвы и молились. Всё было тщетно.

А как все начиналось, Джехутимесу! Совсем по-другому, всё было совсем по-другому вначале... Всё начиналось в Нэ [18] для нас, хоть Иуну родина наша духовно, только вышли мы на свет солнца в Нэ, в столице царства. Там родился Атон навсегда...

Мы – выходцы из трех больших храмов Атона в Нэ. При Са-на-уасре [19] ещё был заложен в Нэ храм Амон-Ра, но всё еще не завершён, когда выросли рядом с ним три ещё более величественных храма Атона. Гемпаатон [20], Рудменуенатонернехех [21] и Тенименуематонернехех [22]. И эти храмы были завершены, и имели жертвенники, и много богатств дал им сын фараона, благословенно Имя его.

В них начинали мы службу Атону, и главным жрецом был у нас сам Божественный сын фараона Аменхотепа III [23], к тому времени соправитель отца. Мы соскребали имена других богов со всех камней храмов, мы были теми, перед кем упала ниц вся Кемет. Жрецы Амона, уходя в тень, становясь всё более слабыми, огрызались. Не упускали они власть, держались за неё. Божественный сын фараона, Аменхотеп IV [24], настаивал на преимуществе Атона

перед другими богами, отец его сердился и возражал, подкрепляемый доводами разобиженных и обделенных жрецов. А когда и впрямь вконец разошлись их дороги (ведь сын и отец часто выбирают разное!), отец был рад, что сын решил уйти. Он был сломлен уже своим бессилием, своим безвластием, и радовался, что мятежный сын сойдёт со двора, тот, который стыдился писать имя отца, содержащее имя Амон...

И имя матери писал иначе, чтоб не упомянуть имя Мут [25] великой, не прославить триаду Нэ [26]. Трудно любить сына, который отвергает всё, что есть ты сам!

И печалился отец, вместе со своим двором. Осиротел Нэ с отъездом. Веками был фараон отцом народа, защитником и Богом его. С горсткой избранных удалялся он теперь куда-то вдаль, пусть возмутитель спокойствия, но царственный властитель и отец народа...

Джехутимесу, закипели воды Нила под ударами весел. Тысячи кораблей, барок и лодок, нагруженных людьми, их имуществом и скарбом, двинулись навстречу судьбе. На золотой корабль свой взошла Нефертити Божественная, и села под балдахином. Руки её были прижаты к животу: беременной была женщина. В третий раз. Сияли её глаза, обращённые вдаль, и ни на миг не обернулась она к городу, который оставляла. Она ждала ребёнка, мечтала о сыне. Начинала жизнь заново, что ей горожане, выстроившиеся у причала, на берегу, а ведь многие простирали к ней руки в тоске....

Балдахин, украшенный её собственными изображениями, Джехутимесу, о, что это был за балдахин. Эта женщина рождена была для власти, Джехутимесу. Она не боялась никого и ничего, и лишь предначертания самого Атона сумели свернуть её с пути. Атон не дал ей сына; всё остальное было у неё. Вот балдахин, например, балдахин, вышитый её изображениями. Она не была дочерью фараона, но стала его женой; другая бы удовольствовалась этим. Но не женщина по имени Нефертити, нет. На балдахине были сцены её жизни, недопустимые для Кемет. Нефертити с фараоном у жертвенника, Нефертити, поющая гимны, Нефертити в кругу семьи, на коленях у мужа, о Джехутимесу! Нефертити на охоте! Неприемлемо для Кемет, и многие, в том числе я, отводили глаза от балдахина. Но отвести глаз от неё, Божественной, прекрасной женщины, я не мог! Не могли и другие. А она поводила своей шеей, что с лебединой только и сравнишь, и каждый поворот головы её был царственным, исполненным величия, чьей бы дочерью она не была; пронизывала жгучими глазами, повелевала и повиновения ждала в ответ, и той, что дочерью фараона не была, повиновались безусловно... Единое всеозаряющее животворное солнце! Она была подобием твоим на земле!».

Глаза Мозе устремлены были к лицу жреца. Он видел то, что было явным: любовь. Немыслимую и невозможную, да ещё и к женщине, что была самому Мозе ненавистна. Но вот кто-то пылал же к ней страстью. К ней, что была злой судьбой Мозе. Ведал ли сам Мери-Ра, какое чувство пытал к Нефертити?

– Жрец, будто бы я не знаю, каким был исход из Нэ. Об этом написано, рассказано несчётное число раз. Я слышал стенания Пареннефера [27]: он оставил свою гробницу в Нэ. Не мог и продать её, ведь уже приготовил и расписал стены. Пришлось готовиться к смерти дважды, вначале в Нэ, потом в Ахет-Атоне. Он находил это разорительным. Многие находили этот отъезд досадным...

– Но не я. И не мы.

– Это было бы странно. Ты выигрывал всё.

– Нет – поначалу. Я не первый Верховный, ты ведь знаешь. Первым был твой отец.

Они помолчали, осознавая то, что свершилось между ними. Мозе впервые слышал это: «твой отец», по отношению к тому, кто был богом Египта. Это не просто поднимало ввысь, это давало преимущество перед самим Мери-Ра, который не мог не осознавать этого. И он осознавал. Сегодня вместе с Мозе он испытывал влияние перемен: Мозе поднимался, жрец опускался. И ощущалось это обоими.

– Каким он был для тебя? Для тебя, который всё знал...

Жрец смотрел на Мозе с пониманием. Он сказал с придыханием:

– Он тот, кто умножает добро, кто умеет дарить. Он Бог, царь Богов. Он знает всех, кто его знает. Он вознаграждает тех, кто ему служит. Он защищает своих сторонников. Он – Ра, чье видимое тело – солнечный диск, и который живёт вечно. Я происходил из бедной семьи и небольшого города, но владыка обеих стран оценил меня. Я занял большое место в его сердце. Царь, подобие солнечного бога, в великолепии своего дворца призрел меня. Он нашел меня, весть обо мне дошла до его сердца. Я не хочу знать ничего о том, что его не стало. Я сожалею о том, что не стало также и меня...

Мозе был вынужден слушать жреца долго. Когда плотина долго сдерживаемых мыслей и чувств прорвалась, не остановить заговорившего, а жрец молчал долго, десятилетия. Совсем неважно было Мозе знать, как стал Мери-Ра верховным жрецом Атона. Ни к чему были длинные описания церемоний. Как выстроились домашние и соседи, приветствующие отъезжающего во дворец счастливец. Как ждали все, кого награды манили и почести, появления фараона в верхнем этаже. Как слуги фараона выбрали первым Мери-Ра. И когда у обрамленного цветами лотоса окна появилась царственная пара, сановник вскинул обе руки в приветствии, и упал на колени. «Встань, – сказал фараон. – Выслушай меня стоя, мой верный слуга. Я посвящаю тебя в верховные жрецы Атона в моем храме Атона в поднебесном городе Атона. Я делаю это из любви к тебе и согласно желанию твоему, ибо ты был слугой моим, который был послушен учению моему во всём, что говорилось. Сердце моё радуется от дел твоих. Я передаю тебе эту должность и говорю тебе: ты будешь вкушать пищу фараона в храме Атона!».

Жреца подняли на плечи потрясённые небывалой его удачей друзья и враги. Владычица обеих земель обладала Тинро [28], назвав её «любимицей своей». Потерянная, потрясенная супруга Мери-Ра плакала от небывалого счастья...

Глава 4. Заговор жрецов. Рождение Мозе.

Мозе устал слушать о былом счастье Мери-Ра. Он хотел знать, как свершилось собственное его несчастье. И потому перебил старика:

– Расскажи обо мне, учитель.

И столько в этом было смирения и просьбы, что изумлённый Мери-Ра осёкся, смутившись вдруг. И стал говорить о другом.

– Небетах, ставшая Бакетатон, была скромной смиренницей в ногах у брата своего и мужа. Но назвать её покорной всем остальным трудно. Не потому, что возносилась она над всеми, но потому, что сторонилась. Вечно прислушивалась к жизни, что внутри души. То, что вокруг, словно не было ей родным. Задумчива, хоть не грустна. Молчалива, хоть и не безгласна.

О том, что прекратились у неё месячные истечения, и уж третий месяц, сомнений быть не может, жрец узнал от прислужницы, бывшей его осведомительницей.

Только не у одного Мери-Ра были осведомительницы. Его собственная, например, догадалась о том, что происходит, когда у хозяйки в загородном дворце оказался Верховный жрец Амона. Может, и сама будущая мать обратилась к этому врагу...

Бакетатон, любившая брата, к первой его жене, ко всему тому, что было с ней связано, испытывала нелюбовь. Долгое время оставалась она с матерью своей, Тийе, и отцом, Аменхотепом III, в Нэ. Тийе и отец Бакетатон, Аменхотеп, невестку не жаловали. Много из того, что делал Эхнатон, приписывалось Нефертити. В том числе, отказ от старых богов. Неверным было мнение такое, да что ж взять со свекрови со свекром? Редка родительская любовь подобной пары ко вновь приобретенной дочери. А тут не дом на руки невестке отдаёшь. Страну огромную, цветущую и богатую. Немало твоей заслуги в том, что она такая, а сын с невесткой, приняв дар, тут же повернули все, да как! В другую сторону; когда бы знать ещё, что к добру. Миттанийка, дочь Тушратты, Нефертити могла бы быть доброй египетской женой, как её свекровь

Тийе, но была чрезмерно независима, и была женой сыну, и без того проявлявшему непокорство и вольнодумство. О многом мог сожалеть Аменхотеп: о том, что разрешал сыну своеволие без конца и края. Что отдал ему женщину, которую взял себе от её отца, пойдя на поводу у юной любви. О том, что отдал сыну и власть, отдал рано, не дав окрепнуть, не дав прорасти в сыне египетскому, родному, больше, нежели общечеловеческому. Мало, что объединяет всех под рукою одного бога, так ведь все равны под этой рукою, что египтяне, что жители Сирии или Миттани...

Склонялась и та, чьё новое имя означало «служанка Атона», Бакетатон, вовсе не к образу солнечного бога вслед за родителями. Мила была ей триада богов Нэ. И Верховный жрец Амона был ей не чужим, роднёй по крови.

Зачем он прибыл, Аанен [1], в Ахет-Атон, этот приверженец всего, что умерло и отжило? В Ахет-Атоне никогда не было и ноги его до сей поры. Не для того строился и возвысился город. Унесли воды Нила старое, мутное, грязь, что веками копилась. Зачем же надо было у белых стен и мрамора, на осиянных синевой неба улицах вдруг вывалить эту кучу навоза? Потому что если вначале Верховный пришел в Ахет-Атон тайно, без свиты, чуть ли не в одиночестве, свершив почти геройство, то потом...

Навоз этот появился в Ахет-Атоне вскоре изрядном количестве. Трудные настали времена для тех, кто искренне служил солнечному богу. Стал склоняться Эхнатон к возврату в прошлое. Не по своей, быть может, воле, а в силу причин, о которых уже говорилось. Только от этого не легче.

– Я считал её дочерью своей. Юной она была, Джехутимесу. Не глупой, нет. Но очень юной и наивной. Она и не скрывала никогда, что тянется душой в Нэ. Меня терпела, и только, как досадную помеху. Я говорил ей о единственности Атона. Она отвечала мне словами о единственности для неё брата и мужа. Что ей эти столкновения жрецов и их мнений? Она жена брату своему.

– Порадуйся моей радостью, жрец, – сказала мне она. – Я ношу под сердцем ребёнка.

Я отвечал ей, что знаю. Она была поражена:

– Но никто не знал этого до сих пор, кроме меня и дяди... и, того жреца, что он привел с собою. А они бы тебе не сказали, знаю.

Жрец, впервые за время разговора, вдруг встал на ноги. Более того, взволнованно заходил по комнате, меряя шагами небольшое пространство.

– Что верно, то верно, Джехутимесу. Они бы меня не порадовали. Если можно назвать это радостью. Известие о том, что Божественная Нефертити может потерять свою власть окончательно. А с нею и мы, слуги Атона. Впрочем, хоть я и не причисляю себя к людям чувствительным, радость этой девочки, Бакетатон, тронула меня. Жизнь, что в ней зародилась, могла быть препятствием, но ещё не стала. Меж тем любая жизнь – священна, данная миру Атоном. Я сознаю, что не всегда постигаю замыслы Его. И, не поверишь, Джехутимесу, я чувствовал какое-то особое волнение рядом с юной матерью твоей. Почему-то знал, что связан с ней, и с этой жизнью в ней. Более того, словно вся Кемет замирала в волнении перед этой юной женщиной для меня. Я знал, что будет мальчик. Знал, и всё. Страна заждалась решения своей судьбы, и в этот раз, не знаю почему, я знал, что она дождалась. Стоит ли так много знать о Божественном, чтобы не разглядеть? Стоит ли так много говорить о Боге, если не ощущать его рядом с собою, в жизни? Не всё мы врём, Джехутимесу, когда выступаем от имени Его, или выстраиваем свои малые чудеса, на удивление народу...

Мозе воззрился на жреца с немим вопросом. Но Мери-Ра только отмахнулся от этого вопроса. Знаешь, мол, сам, к чему лицемерить?

– Среди прочего, Джехутимесу, твоя мать удивлялась тому, что, посмотрев её, пощупав, и даже приложив ухо к её животу, жрецы Амона проявили вдруг странное для них волнение. Ты знаешь, какими должны мы быть для всех, кроме себя. Безмятежность и презрительный

покой: вот наш удел в среде тех, чьими богами мы являемся. А тут! Снова и снова они трогали её живот, переглядывались, перешёптывались, и она взволновалась тоже. Тогда они успокоили её, сказав, что всё хорошо. И удалились.

Жрец наконец прервал свой бег из угла в угол комнаты. И наставил свой указательный палец на Мозе.

– Когда она пересказала всё это мне, Джехутимесу, я повелел ей обнажить свой живот для меня. И приложил своё ухо к нему. И тогда я услышал, услышал то, чего уже ждал подспудно! Одно сердце билось выше пупка матери. Другое ниже... И оба так быстро, что почти не оставляло сомнений: два мальчика! Сердце девочки бьётся реже!

– А могли бы быть Осирисом и Исидой [2], – прошептал Мозе, – и я любил бы её... Так было бы лучше.

– Да, – эхом отозвался Мери-Ра, – лучше. Но было не так. И с Осирисом тоже было не так. И когда этот навоз, Аанен, Верховный жрец Амона, говорит, что его Бог явился в облике повелителя Джехутимесу [3] к Мут-ма-уа [4], а она родила от него сына, твоего деда, и я, и он – знаем, что это не так. И знаешь об этом ты.

Мозе в очередной раз подивился непримиримости жреческой мысли. Для него самого Бог был един, и звался Атоном. И, однако, жрецы Амона-Ра тоже говорили о единстве Бога, и Бог их был солнечным. У их Бога могло быть много ликов, но утверждалось, что все они – один Амон. Это было сложно. И, по мнению Мозе, совсем не нужно. Глупость последователей Амона была очевидна. И взаимная ненависть людей, служивших Божественному, тоже. Но даже сейчас, когда он знал точно: жрецы, по-видимому, сломали его жизнь, – ненависти в сердце не было. Был гнев поначалу, но он исчез. Осталась печаль. И любопытство мучило его: он хотел знать о себе все до конца.

В одном он был уверен: бог не снисходит к смертной женщине, чтоб дать ей сына. Люди не являются потомками Бога в том смысле, который они придают этому. Все они – дети Атона, это правда; но смысл Его отцовства совсем иной.

– Дальше, Мери-Ра, дальше. Как забрали меня от неё?

– Я промолчал о двойне, Мозе. Ведь промолчал и Аанен, слуга Амона. И вот это стало для меня самым важным. Мне следовало понять: почему...

И Мозе стал слушать о том, как потерял Кемет.

Два мальчика сразу. Как решить, кто из них примет власть от отца? Тот, кто родится первым, славно, но не станет ли это предметом соперничества, не приведет ли к борьбе за власть между двумя половинками одного яблока? Не приведет ли это к разделу земель, Верхней и Нижней. Это было бы для страны настоящим бедствием.

И насколько похожи эти половинки? Ведь бывает, что не похожи совсем. А бывает, похожи, как две капли воды. И вот тогда: сколько же возможностей открывается перед тем, кто держит в руках нить судьбы!

Подмена одного близнеца другим, воспитанным в должном ключе. Подмена одного другим в случае болезни и смерти. Иметь на троне человека, преданного жречеству, преданного тому, от лица которого это жречество выступает...

Мери-Ра не стал скрывать свои мысли от Мозе. Да и не смог бы. Он понимал, что всё понимает и его ученик. Он ведь отнюдь не глуп, и учён, пожалуй, не менее самого Верховного жреца. Кому же знать это, как не Мери-Ра!

– Но чтобы я не думал об этом, Мозе, не я изменил твою судьбу. Я не решился.

Жрец гладил свой золотой посох, инкрустированный самим Хеви [5] для него изображениями солнца в разных его фазах. Утреннее яркое и жгучее, под которым никнет растительность; вечернее ласковое, дарящее свои краски закату на Ниле...

– Кто я такой, Мозе, чтоб делать это? Я жрец Атона, но посох мой дарован мне фараоном. Он и сам воплощенное Солнце, и разве мог бы я вмешаться в его судьбу? Иногда я думал, что

зря взгляд его упал на меня, в недобрую минуту. Я предан, я бесконечно предан ему и Атону. Только ведь я, как бы ни был умён, я всего лишь немху. Чтобы принимать такие решения, быть может, и впрямь, следует принадлежать к родовой знати. Когда поколения твоих предков принимали судьбоносные решения, касающиеся даже жизни и смерти фараона, это остается в крови, Джахутимесу. Какая-то превышающая мои силы дерзость нужна, невероятная смелость. Мне – поднять руку на кровь фараонову? Мне, ничтожному, решать за Атона и фараона, решать судьбу Кемет? Ты знаешь, Мозе, я умею принимать решения за людей. Те, которых привёл сюда ты, пришли моей волей. Но за богов и фараонов я решать не смею...

Они молчали долго. Мысли Мозе приняли другое направление. Не о своей прошлой судьбе думал он в это мгновение. А о том, к какой группе людей может отнести себя сам. Всё, что мог Мери-Ра, он дал Мозе. Кроме того, в жилах Мозе течет не просто кровь родовой знати, но кровь фараонова. Значит ли это, что он смеет принимать решения? За народ, за фараона и Атона?! По размышлению, должно этого хватить. Значит, что, следует приступать к делу, или он уже приступил? Пожалуй, что и приступил...

Потом Мери-Ра стал рассказывать о дне, когда родился Мозе.

Небетах несла свою беременность на удивление легко. Несмотря на то, что было ей на самом деле тяжело. И тошнота, и рвота промучили её всю первую половину беременности. Потом стал мешать быстро растущий живот. Отекали ноги, ночами часто беспокоили судороги в них. Она просыпалась с криком, плакала от боли. Её поднимали рабыни, ставили на ноги, судороги прекращались. Но утром, на удивление всем, она вставала с улыбкой на устах. И улыбка эта была отнюдь не судорожной, не искусственной. Она впрямь радовалась тому, что живёт.

– Я спрашивал у неё, как ей удаётся быть такой мужественной. Ведь несмотря на все мои отвары, всякого рода боли и неудобства преследовали её каждый день. Она отвечала:

– Я – дочь фараона, жена фараона, я та, которую ждала Кемет. Мой сын будет фараоном. Не будет ли с моей стороны неблагодарностью не радоваться этому? Так уже не случалось давно в Кемет [6], и это плохо. Плохо, когда законы страны нарушены. Я принесу мир моей стране и благословение богов. Что перед этим тошнота или судороги? Каждая женщина мучается, принося в мир новую жизнь. Не вижу причины, по которой я должна быть исключением. И так много тех, кто помогает мне, так или иначе; у многих женщин нет этой поблажки...

На шестом месяце стало легче. Тошнота исчезла, а собственная неповоротливость, неуклюжесть только веселила девочку. Она жила в ожидании дня, когда разрешится от бремени, но на само это бремя отнюдь не жаловалась. Только радовалась.

Девочка считала так, как считали её прислужницы, те, кто рожали сами. Девять месяцев. Больше на десять-пятнадцать дней, меньше – но около девяти.

Я-то считал иначе. Я хотел быть с ней рядом, когда это случится. Да, я окружил её соглядатаями. И не только я.

Когда из её окружения была удалена старая Мандиса [7], я знал, кем и почему это сделано. Ибо Мандиса как-то сказала, обтирая госпожу после купания.

– У снохи моей, Набирай [8], вот такой же был живот. А она носила близнецов. Может и ты, госпожа, порадуешь приходом божественной пары?

Госпожа улыбнулась в ответ, не принимая смысла сказанного. Она была уверена в близости родственных связей, в том, что жрец Амона стоит на страже её судьбы.

А Мандиса через день исчезла. Хекет [9], та, что была соглядатаем жрецов Амона, утверждала, что та сказалась больной. Ушла в свое жилище за пределами города. Посланные за ней вернулись ни с чем. Небетах сказали, что она ушла в свой септ [10], по причине неизвестной, вроде бы узнала о болезни сына. Как будто так уходят от царственной госпожи...

На самом деле Мандису нашли с перерезанным горлом невдалеке от квартала города, где жила прислуга, где ютились рабы. Так поплатилась бедная женщина за свою прозорливость.

Смерть её никого не насторожила, кому интересна одна из прислужниц одной из многочисленных жён фараона? Найдутся другие...

– Джехутимесу, я надеялся, что встану у самого истока этой истории. Что решу всё вовремя и навсегда к чести моей и нашего повелителя. Кто бы мог подумать, что всё сложится так, как сложилось... возможно, я был самонадеян. Но ведь и молод, Джехутимесу. И я уже говорил, не было у меня тысячелетнего опыта тех, кто всегда строил козни и всегда, с сотворения мира, держался у власти. Я обладал знанием, но не хитростью...

День твоего рождения, Мозе, ознаменовался большим праздником. Сын Атона, божественный фараон, после долгого перерыва, выходил к народу в окне явлений, затем лицезрел его народ в процессии, едущей к Храму Атона, и там, у жертвенника, Сын Солнца пел гимны Отцу. Ты понимаешь, Джехутимесу, что я не мог не быть там. И я был там, и большинство моих людей тоже там было.

Мне донесли с раннего утра, что начались у матери твоей боли, и отошли воды. Да, рано было ещё, не доносила женщина, но ведь это бывает, когда рождается двойня. Я ждал этого; многие признаки указывали на то, что роды начнутся скоро. Но именно в тот день я не мог не быть там, где владыка служил Атону; и с ужасом в душе я выполнял свой долг, гадая, что может быть у её постели. Мужчины и женщины, певцы, наследники Джеди, [11] шимайю и акробаты окружали меня; церемония длилась, тянулась для меня как никогда. Твой божественный отец о том, что делается в загородном его дворце, долго не знал; лишь к вечеру к нему прорвался вестник Бакетатон, отправленный ею, через множество созданных ему препон, и то чудом. Прежде чем поставить солнце Кемет в известность о происходящем, следовало обрести известность самим. Что готовила нам Небетах, рождение ли двойни мальчиков, зеркально похожих, или, быть может, не похожих совершенно, или мальчика и девочки? Надо было знать, чтоб принимать решение. А у меня впереди была ещё и ночь таинств, и я должен был быть там, где я был – в моём Храме...

О том, что случилось у её изголовья в тот день, я знаю от своей осведомительницы. Только и она небольшое знала, ничего такого, о чем нельзя было бы догадаться.

Когда стала корчиться Бакетатон в родовых муках, окружили её крыло дворца неведомые люди. Бритоголовые, одетые как воины, немногословные. И были у них приказы, подтверждающие право войти в это крыло дворца, и охранять госпожу. Приказы от самого Солнца Египта, и знали они условные слова, необходимые для стражи.

Они изгнали всех женщин, кроме двух.

Лягушка проклятая и моя осведомительница остались у ложа госпожи, кричащей так, будто разрывало её нечто изнутри, да так оно и было. Бедная девочка, она была мужественной, и очень надеялась на то, что сможет терпеть. Уверена была, что поведёт себя так, как подобает дочери фараона и жене фараона. Она просила передать мужу, что очень мучается, и одно его прикосновение может сделать чудо, подав ей мужества и ослабив боль. Но ей отвечали, что её божественный супруг в Храме Атона, и не имеет возможности прийти к ней, оставив народ...

Она вздохнула легче, когда к ней взошёл Верховный жрец Амона со своим врачом.

– Дядя, вот теперь уж все будет хорошо, – шептала она. – Почему нет сестёр моих со мною, я ведь послала за ними...

Недосуг ей было заметить, что жрец прикрывал лицо накидкой, как и его спутник, и лица их были недобрыми. Слишком она мучилась.

– Выпей это, – сказал ей жрец Амона. – Будет легче.

После того, как она, морщась, выпила содержимое чаши, уже через несколько мгновений ей стало легче. И, однако, родовая деятельность продолжалась.

– Видимо, это был настой Хат-Хор, той, что владычица Пунта [12]. Знаем и мы свойства этого напитка...

Мозе улыбнулся наставнику. Слова эти прозвучали здесь, в Храме Хат-Хор, и впрямь забавно.

Не знать тайны этой так называемой богини тем, кто раскинул сети храмов на многих землях и во многих странах, и впрямь смешно. Хат-Хор, «дом Гора», то есть великое небо. Как красиво сказано в древних преданиях: великая корова, породившая Солнце. Место, где обитает Атон-Ра, это небо. Посему в Храме Хат-Хор его дети, жрецы его, у себя дома...

Долго страдала Бакетатон. Так часто бывает у тех, кто рождает близнецов. Лишь к вечеру приблизилась она к тому, чтоб разрешиться от бремени.

Схватки у женщины учащались, короткие мгновения покоя, дарованные в промежутках между ними, ещё укорачивались. Начались потуги. Надо отдать должное врачевателю, которого привел с собою Верховный жрец. Он знал, что делает. Он учил её дышать правильно, вдохнуть вначале потуги, потом сохранить это дыхание, и тужиться, тужиться, направив всю свою силу туда, откуда рвется на свет дитя, призываемое Атоном... Потом выдохнуть медленно, длинно и спокойно, не резко, чтоб дитя не ударилось о кости таза женщины. Сколько препятствий преодолевает призываемый Атоном ребёнок, чтоб явиться на свет! Сколько мужества женщины, и сколько мужества не родившегося ещё дитяти в этом дивном явлении!

Бакетатон была выше всех похвал. Она старалась и помогала. Она трудилась изо всех сил, чтобы родить. И вскоре была награждена криком своего первого мальчика.

Откинувшись на подушки, она блаженствовала. Боль отпустила её, и резкие сокращения мышц тоже; после того, что она перенесла, эта передышка была минутой абсолютного счастья. Ей поднесли ребенка.

– Тут-анах-Йати, – говорила она. – Так назовёт его отец. Он говорил мне, что если родится мальчик, то он назовёт его живым подобием Атона. Не сердись, дядя, но посмотри, разве он не подобие солнца на земле? Какое живое у него личико; ножки и ручки какие маленькие. Как он хорош, мой мальчик, какой он славный! Мне всё равно, как назовет его отец; прости меня, дядя. Зато он унаследует Кемет!

Жрец Амона и его спутник были молчаливы.

– Но почему же сестры мои не со мною? И взял ли на себя кто-то труд известить моего мужа? Кроме меня самой? Где мои женщины? О, я не зовусь Нефертити, и в моей части дворца никогда не толпится много людей, я знаю. Но не сегодня, сегодня я победила, не правда ли, дядя? Сегодня есть с чем меня поздравить. Приведите меня в порядок, да позовите же всех моих прислужниц! Я хочу встретить мужа совсем другой, не такой, как была в эти дни. Он будет гордиться мной...

Видимо, это было справедливым требованием. И требование это удовлетворили. Только предварительно Бакетатон дали выпить ещё какого-то зелья. Осведомительница Мери-Ра отметила, что после приёма зелья некоторое время роженица плохо чувствовала нижнюю часть тела, которая словно онемело и перестало ей подчиняться.

Эхнатон не выглядел счастливым у ложа той, которая принесла ему долгожданную удачу. Скорее ошеломленным, потрясенным и... озабоченным. Он поблагодарил жену, коснулся ребёнка несмелой рукой. Была в этом движении некоторая тревога. Словно фараон пытался справиться с обрушившейся на него ответственностью, непомерной заботой.

С поздравлениями, с ласками обступили сестру Сатамон, Исида и Хенутганеб. Сколько было в этих поздравлениях истинной радости, кто знает? Каждая из них хотела бы, верно, быть на этом месте и этом ложе...

Но их, как и фараона (а последний, меж тем, прервал своё участие в церемонии, и, как казалось, весьма охотно, ради того, чтоб приветствовать мать собственного сына) почти бесцеремонно выпроводили вон. Под предлогом слабости женщины и тех таинств, что должны были свершиться здесь для очищения матери и ребёнка и принесения благодарственных молитв...

Глава 5. Рождения Мозе

Бедная Бакетатон! Действие зелья, которым её опоили, скоро прошло.

Когда новая боль полоснула её, ещё только слегка, чуть-чуть, она лишь сморщила лоб недоумённо. Но вот ещё, и еще...

– Дядя! Что это? – спросила она, когда вновь содрогания мышц таза лишили её и покоя, и ощущения телесного блаженства.

Поспешил с объяснениями врачеватель. Дескать, место отходит, к которому малыш был прикреплен в утробе, это правильно.

– Я бы сказала, что всё сначала началось, – недоумённо повторяла она. – Все с начала самого, а я так устала...

Но ей пришлось ещё потрудиться, прежде чем она услышала снова крик...

Несмотря на свою усталость, она его расслышала.

– Дядя, – сказала она, едва дыша, замолкая через слово, – дядя, ты знал...

И впервые в глазах её отразились недоверие, а за нею испуг.

Жрец накинул на голову покрывало. И кликнул в приоткрытую дверь своих бритоголовых.

Они вошли, как входит судьба в жизнь каждого отдельного человека: бесперомонно, не соблюдая приличий, не спрашивая ни о чём.

Моя осведомительница уже ощущала несуществующий меч над головой все последние часы, теперь же он был занесён.

– Выпей, девочка моя то, что дают. И ничего не бойся, – сказал Бакетатон жрец. – Всё хорошо. А будет ещё лучше.

Она не могла кричать, не было сил.

Ей влили нечто в рот, несмотря на сопротивление.

Потом руки Аанена опустили на голову женщины в области темени.

– Время, которое ты посвящаешь себе, – стал говорить он, медленно, растягивая слова, и как-то тихо, без нажима, словно сам себе под нос, – бесценно, моя девочка, и это самая большая роскошь в нашем суетном мире. Сейчас ты отвлечёшься ото всего, пока мои руки дарят тебе тепло и спокойствие, чтобы побыть с собой наедине. Дыши спокойно, Небетах, дыши размеренно, и чувствуй спокойствие, испытывай его, только для себя, для себя самой. Ты видишь, ты чувствуешь, ты понимаешь, что с каждым выдохом уходят страх и напряжение, они мягко покидают твоё тело. Есть внешний мир, он и впрямь есть, ты вернёшься в него когда-нибудь, но не сейчас. Здесь и сейчас всё сузилось до твоего тела, тебе ничего не нужно делать, не о чем беспокоиться. Ты цепенеешь, ты тихо следуешь вслед за покоем, погружаешься в себя. Ты в покое, ты спишь, Небетах. Когда ты проснёшься, ты будешь помнить лишь об одном своём мальчике, и будешь совершенно, абсолютно счастлива, прижимая его к груди. Ничего иного нет, и не было, Небетах. Пустое все твои страхи, моя девочка...

– Я понимаю, – сказал Мозе. – Искусство Имхотепа [1]. Это не ново. Только твой жрец Амона делает это иначе. В Иуну его научили бы делать это без разговоров и накладывания рук.

Мери-Ра улыбнулся в знак согласия. Добавил:

– И, однако, мой сау [2], сидящий в засаде, с трудом справился со сном. Как он рассказывал, пребольно укусил себя за подушечку мизинца, это помогло. Лягушку выпустили в дверь. А моей осведомительнице протянули чашу с ядом. Не колеблясь ни минуты, она его выпила. Меч был бы хуже, она это знала. Потому после она не могла рассказать, что дальше было. Лишь до этого мгновения.

Тот, кто, рискуя своей жизнью, наблюдал всё это из потайной комнаты, смотритель из Храма Владычицы Иунет-та-Нечерет [3], видел следующее.

Мою осведомительницу уволокли куда-то через боковую дверь.

Всё было очищено и отмыто, Бакетатон уложили на ложе так, чтоб было видно: она, выполнив свой долг, спит, и вокруг неё разлит покой. Мальчик возле неё, её радость и гордость. Бакетатон переодели, мальчика запеленали. Второго уже унесли под складками одежд бритоголовые.

Лишь после этого вошли в покои роженицы её женщины, возглавляемые Лягушкой.

Бакетатон спала, мальчик тоже. Они вызывали умиление: она своей бледностью, выражением умиротворения на лице. Он – и вовсе отражением небесного покоя на личике. Он не был ещё с нами, здесь. Где-там витала его Ка, и ещё не брала его за руку...

– Подожди, вдруг перебил Мозе жреца, ведущего неторопливый рассказ. – Поскольку твоя осведомительница рассказывала что-то в последующем, значит, осталась жива. Разрешите недоумение моё: как?

– Ты огорчаешь меня, Мозе. Женщина и я ожидали чего-то в этом роде. Я воспитал в ней переносимость к ядам. И ты знаешь, как, каким способом. Справедливости ради, надо сказать, что она находилась между жизнью и смертью несколько дней. А ведь как только её оставили, уверенные в том, что она отходит, где-то за городом, снова в квартале рабов, она тут же извергла из себя то, что пила. Доползла до ближайшего дома, и сумела умолить о том, чтоб известили меня. Её вид и речь пробудили в людях доверие. И сострадание. Впрочем, она сумела заплатить за себя. Ты знаешь, Мозе, она всё время проваливалась в сон, была крайне слаба, даже говорить не могла. Нечто подобное творилось и с твоей матерью...

– Ты ничего не сделал, чтоб помочь? Ведь была возможность рассказать отцу...

– Кое-что я всё-таки сделал, – отвечал с упреком жрец. – Но она была матерью, только что родившей на свет двух малышек, а не крепкой женщиной лет тридцати, из тех, что не смутишь ничем. Она была слаба и истощена крайне беременностью; и моя помощь подоспела поздно. Что же касается владыки, то что, что я должен был сказать ему?

Жрец пришёл в крайнее возбуждение. Совесть его не дремала; глядя на него сейчас, Мозе осознал это с ясностью.

– С самого начала я знал, что будут мальчики-близнецы. С самого начала знал, что вокруг женщины и её детей затевается нечто ужасное. С самонадеянностью, достойной осуждения, но объяснимой молодостью моей, да и быстрым успехом жизненным, я решил, что справлюсь сам. Но я не справился. Бакетатон сказать ничего не могла. Один из близнецов был похищен. Второй словно отказывался жить: мальчик был крайне слаб, едва, чуть ли не с отвращением, пил молоко кормилицы, болел. И если не было в этом моей прямой вины, то ответственность я нес, и какую! Я промолчал, Мозе. Я взялся лечить мальчика, и выхаживать мать, и я делал это хорошо. За мной была вся животворная сила Атона, все его люди и возможности этих людей. Мои поднадзорные выжили. Ты знаешь, Бакетатон даже вспомнила нечто. Несколько дней после своего пробуждения она спрашивала: «А где второй? Мой второй сын, где он?»... Потом недоумение людское и странные взгляды убедили её в том, что всё было лишь сном, лишь следствием родильной горячки. И всё же она вглядывалась временами в лица людей, и в глазах её был вопрос: «А где?»...

И снова легло между двумя молчание, тягостное и неумолимое.

Нарушил его не Мозе. Боль его истерзала. Он не мог бы говорить, если б и захотел.

– И потом, я надеялся оправдаться. Я знал, что могу найти второго близнеца. Я и хотел найти его. И мог. Тот, кто сидел в потайной комнате, привел бы меня к нему. Чтоб оправдаться, мне нужно было нечто большее, чем слова. Ты, Мозе, мог спасти меня перед лицом твоего отца, приведи я тебя под его кров обратно. Правда, я не знал, как смогу сказать... объяснить ему то, что случилось. Мне не было оправдания, по крайней мере, я не находил его. Но я откладывал эти мысли на потом. Я тешил себя надеждой найти выход, но после, потом, когда найду тебя. Ты был мне светом, во тьме, меня окружавшей...

Мери-Ра рассказал, что когда брат-близнец Мозе выжил, а несчастная юная мать надлежащим образом восстановила свои силы, он смог заняться поиском похищенного ребенка.

Следы привели в место совсем неожиданное.

Квартал рабов. Амрам и Иеховеда, рабы, пара из хаабиру. Тихие люди, земледельцы, у которых есть сын, Аарон, и мать кормит его грудью, вот уж девять месяцев. Ей дали денег, она приняла ребёнка, не задавая лишних вопросов, не озаботившись ими. Где один, там и два дитяти. Молоко в груди собирается, не требуя особых хлопот, а заботы о детях... она свела их к такому малому объёму, что говорить не о чем. Помощь мужу на земле отнимала слишком много времени и сил. Наличие ребенка освободить женщину от рабского труда не может.

– Она была мне хорошей матерью, – возразил Мозе. – Простой, да, никак не скажешь, что была учёной. Но была добра, говорила со мной, и ласкала, наравне с Аароном, пыталась чему-то учить. И очень мной гордилась мной, когда стало чем гордиться. У неё всегда было чисто, и нас она держала в чистоте. И она говорила мне о единственности бога, она первая.

– Я знаю, отвечал ему Мери-Ра. – Но всё это было потом. А тогда, когда тебя отдали в их руки, она была замученной. Жили в нищете и были обижаемы; ей было не до вас. Когда так живут, дети только обуза. Её не обвинишь; трудно быть человеком, когда голоден, и вечно устал. К тебе, пожалуй, она относилась даже лучше, чем к своему ребёнку: за тебя платили...

Мери-Ра счёл нужным объяснить, чем руководствовался жреческий клан Амона.

В среде рабов, тем более земледельцев, нет тех, кто мог бы видеть лицо будущего наследника власти в Египте. Никому не интересен, с другой стороны, чумазый мальчишка, ребёнок презираемых. Сходство ребятишек, чья судьба так различна, не будет замечена никем. Наверно, это было бы не навсегда, стоило ли похищать ребёнка, чтоб оставить его на задворках судьбы, у Амрама и Иеховеды на задворках их убогого двора. Но вот сейчас, в сию минуту, пока ребёнок нуждался в кормилице, безгласной и не слишком умной, и пока возникнет уверенность в безнаказанности, сейчас это было решением. А главное: в Ахетатон хаабиру прибыли только что, никто их не знал, по сути, и детей их тоже. Сколько их было у Иеховеды? Два? Ну два так два, кому это интересно, сколько раз рожала презренная рабыня...

– Вот как, – сказал Мозе, не Джахутимесу, с горечью... Нет, конечно, учёной она не была. Но в ней была мудрость, жрец, вековая доброта и мудрость, да... женщины, которая знает труд...

Мери-Ра не стал спорить. Годы, состарившие жреца, добавили и ему мудрости тоже. И он смолчал по этому поводу, хотя мог бы что-то сказать.

– Знаешь, я гордился тобой тоже. Не меньше, чем Иеховеда.

Мозе взглянул на него недоверчиво.

– Мало того, что ты был в сердце моём надеждой. На то, что оправдаю себя сам, что принесу ещё наследника Кемет и славу Атону-избавителю. Но ты поражал меня своей волей к жизни. Твой брат-близнец отказывался брать грудь; его нёбо, не сросшееся, как и у тебя, доставляло ему неудобства, он поперхивался, плакал, и я был вынужден придумывать способы кормления слабейшего ребёнка. Он требовал непрестанной заботы и ухода. Ты же молчаливо лежал в убогом домишке, не плача и не требуя ничего, мокрый и грязный. Иеховеда, вернувшись с полей, прикладывала тебя к груди; ты хватал её так, словно понимал, что это один-единственный способ выжить. Ты был улыбочив, как мне говорили, Тут-Анах-Йати плаксив! Я видел в этом волю Атона. Я видел в этом своё спасение. Ты мог ждать меня, и ты меня дождался...

Мери-Ра рассказал дальше, как готовился к похищению маленького Джахутимесу. Нужны были люди, чьи лица не примелькались в Ахет-Атоне, которых никто не знал. Жрец догадывался, что за домом следят. Йеховеда оставляла детей одних в незапертом доме. Кому они были нужны, её ребятишки?

И, однако, были нужны! Несколько раз видели с окружавших крыш, как проникали в дом бритоголовые Амона. Если бы за ребёнка пришлось сражаться и погибать, Мери-Ра предпочёл бы, чтоб не были опознаны люди. За ними послали в отдалённые храмы Хат-Хор...

Ранним утром, ещё затемно, через несколько мгновений после того, как ушли Иеховеда и Амрам, скользнули в дом двое, и, найдя нужного им ребёнка по расщелине во рту (младенец тут же обхватил палец деснами, чтоб сосать, и это рассмешило похитителя), вынесли его в корзине. Быстро прошли по кварталу, который просыпался к работе, ненавидимой, но непременной для его жителей. За пределами рабского жилья присоединилась к ним ещё группа защитников, и двинулись они к загородному дворцу владыки. Почти у самого дворца вышли им навстречу бритоголовые. Завязалась битва.

Судьба Мозе не отличалась простотой с самого начала. И этот момент не стал исключением. В тишине утра, вблизи дворца, где жизнь ещё не начиналась, где все ещё спали, быстрая, но жестокая схватка завершилась смертью не менее двадцати человек с обеих сторон.

Последний из защитников маленького Мозе, не принимавший участия в битве, добежал с корзиной в руке до дворца, проник сквозь ограду в известном ему месте. Тенью скользил за ним преследователь, раненый и слабеющий, но неукротимый. Кровь сочилась у него откуда-то справа, из области подреберья. Зажимая рану, он бежал за спасителем Мозе, и настиг его у того самого места, где воды Нила отводились в канал, огибающий затем дворец, дающий исток многочисленным рукавам, идущим через сад. Он успел пронзить своим мечом того, кто нес корзину с ребёнком, но упал и сам, истекая кровью.

Не было в тот день и час владыки во дворце, потому и не очень добросовестно охраняли его. Проспала битву за воротами и в саду охрана.

Дочь фараона, Мери-та-Атон, жила во дворце в это время. Девочка подросла, стала девушкой; многие отмечали её красоту, унаследованную от матери, говорили и об уме, о добром её сердце. Причиной её жизни в отдалении от матери и сестёр стало именно взросление. Владыка Кемет, Верхней и Нижней её земель, не имел главной жены. Нефертити перестала ею быть, Кийя или Бакетатон ею не стали.

Но продолжаться так долго не могло. Мери-та-Атон, дочь фараона, была подходящей супругой повелителю, и должна была ею стать. Таков закон Кемет. И, кажется, повелитель начал склоняться к тому, чтоб следовать ему. Была ли Мери-та-Атон, юная девушка, похожа на Нефертити, какою он помнил любимую жену? Увы, да.

Годы не могли вовсе убить красоту Нефертити, но лишили женщину прелести юности. Не было уж тонких гибких рук, и по утрам с досадой отмечала она мешки под глазами, и кожа запястий выдавала ненавистные кольца-морщины. Улыбка её уж не была такой открытой; да она и боялась теперь улыбаться, боялась того, что побегут от открытой улыбки морщинки-лучики от глаз, ото рта...

Не то Мери-Та-Атон. Кровь прилиwała к губам и щекам девушки, и кожа её была нежной, и дыхание ароматным. И отец должен был стать её супругом и повелителем, таков закон Египта!

Мери-Ра был при Мери-та-Атон, и он учил её гимнам, которые станет она возносить Атону вместе со своим супругом-повелителем; и слушал её пение под звуки систра, и руководил ею каждый день. До дня, когда владыка, быть может, возьмёт её в жёны, времени было ещё довольно. Оно исчислялось и годом, и двумя, и тремя. А пока жрец воспитывал её – так, как следовало воспитывать будущую подругу владыки.

Но не мог быть с ней рядом всегда и повсюду.

Не мог он присутствовать при утреннем купании дочери фараона. И не присутствовал. Женщины были с ней, те, что разминали ей плечи, обтирали её после купания, меняли одежду.

Природная скромность девушки повелевала ей купаться вдали от чужих глаз. Она любила заросли камыша на канале.

Утром того дня, когда судьба Мозе сделала свой сумасшедший скачок, Мери-та-Атон купалась в любимой заводи.

К её ногам, к её чудным изящным стопам, принесла вода корзину. Хорошо просмоленную, добротную корзину.

Рыбы не было в ней, не было даров и фруктов. Но крепенький малыш нескольких месяцев отроду лежал в ней, посасывая свой палец.

Она остановила корзину, не веря глазам, стала осматривать ребёнка. Он был похож, очень похож на её маленького брата, нынешнего наследника престола. Только крепыш, ручки с ножками заполнены, круглые, и он такой спокойный...

И тут свершилось чудо: молчун Мозе, тихий, спокойный ребёнок, вечно улыбающийся, невозмутимый, вдруг выбросил палец изо рта, и заорал. Он не просто плакал, он заливался криком, от которого звенело в ушах..

Дочь фараона вняла его призыву и, взяв малыша на руки, нежно прижала к груди...

Мозе вернулся домой!

Глава 6. Азazelь

Унылая, безжизненная пустыня. Бурые, желтые и черные горы, не горы – скалы, возвышающиеся над кучами песка и грудями сваленных в беспорядке мелких камней. С вершин некоторых скал стекают целые реки белого песка. Вечерами морщины гор окрашиваются заходящим солнцем в желтый, потом оранжево-розовый цвет. Когда свет уходит, горы становятся уныло-серыми. Ещё позже они сливаются с небом, всё вместе проваливается во мрак. А под конец на чёрном небе зажигаются яркие звёзды. Ни души, ни облачка, ничего движущегося на большом пространстве.

Кажется, здесь нет, и не может быть никого, кроме Него, Бога. Быть может, это единственное место на земле, где мог бы Он бродить в одиночестве, не опасаясь быть замеченным. Камни, бесконечный песок и огромные причудливые горы, среди которых скрыты долины, провалы. Сад Господень, где ничему живому нет места.

И, однако, вот где-то здесь, недалеко, стоит стан людской, затерявшийся в песках. Спят люди, охраняемые бдительными стражами. Верблюды улеглись на песках, волы. Где-то слышен тимпан и приглушенное пение, где-то храп, а ещё где-то проклятие и неласковое слово.

И, однако, всё чаще там, впереди, куда идёт народ хаабиру [1], на фоне чёрного неба возникают неясные вспышки света, очень яркие. И странно гудит земля, и слышится неясный шум.

В пустыне всё-таки многое идёт не так, как обычно.

Жёлтое око пустыни уже который день всматривается в странную пару людей, пересекающих её обычно безлюдное, ныне более заселенное пространство. Следят за ней горы из песчаника и скалы из камней, смешанные в пустыню.

Не скрываясь, идёт и едет народ, и очевидно, что единственное желание, охватившее всех без исключения людей, хаабиру, покидающих страну своего рабства, покинуть и пустыню как можно скорей. И это единственное желание самой пустыни: пусть уходят.

А вот эти двое хотят другого: быть вечно на краю людского стана, не сливаясь с ним. Пусть бы шли они, люди, и эти двое вослед им, вечно. Ненависть не остынет, и месть будет сладкой.

Один из этой пары, он взрослый, мужчина. Мальчик, которого он таскает на спине, тот лет пяти, не больше. И веса у него нет почти, и сил.

Отец почему-то не видит, как медленно угасает жизнь ребенка, которого таскает он с собой. Не видит бледности мальчика, не видит истощения. Впрочем, ребёнок закутан днём и ночью, ночью от холода, днём от солнца. Может, потому не различает отец грозных признаков стоящей на пороге смерти?

Он и сам похож на высохшую мумию. Он и сам почти не ест, не пьёт. Но ему это не важно. Он идёт по следу стана, он рыщет, как хищник, вдыхая жар пустыни...

Есть ещё двое гостей, которых узнает пустыня в лицо. Ночь за ночью лезут они на скалы, обследуя каждую впадину, каждую дыру в каменистой части, потом идут по песчанику, месят ногами песок и катают камни. Странно видеть эти поиски: зачем они? Что же, кроме песка и камня, можно найти в этих пределах?

С десяток воинов охраняют этих двоих, но воины меняются, а эти двое с факелами возглавляют маленький отряд каждую ночь.

Обычно затихает стан, успокаиваются люди, замолкают животные. К шатру, где обретается старший из двоих, подходит подчинённый, и зовёт тихонько:

– Мозе, я тут. Все готовы, идём.

Тот, которого зовут Мозе, выходит из шатра, вздыхая и потягиваясь.

– Сегодня мы найдём его, Аарон, – говорит он. – Сегодня обязательно найдём. Стоят ли воины вокруг стана? Настороже ли они? Ты предупредил ли их, что сон может стать причиной смерти и их самих, и их близких?

– Я предупредил. Только они и сами знают, Мозе, – вздыхает Аарон в ответ. – Они и сами хотят жить. Вот говорю я тебе: не человек это. Вот ты, ты же учён, и понимаешь в этом больше моего. Я-то простой воин, Мозе, а ты учён. Скажи, что знаешь ты о демонах пустыни? Какой выкуп надо отдать мне за народ мой, чтоб не погибали люди? Что пожертвовать мне, чтобы пустыня оставила нас своей злобой!

Странно слышать разговоры эти пустыне. Она не злобна вовсе, она не добра. Она просто живёт той жизнью, что судил ей Бог. Зачем ей, пустыне, демоны; довольно жары и жажды, довольно голода, нет иных демонов для всего живого в пустыне. Демоны придуманы людьми, а пустыня просто живёт своей жизнью. Пустыня рассмеялась бы Аарону в лицо, когда б могла. Но это не её удел. Она молчит.

Аарон, споткнувшись об острый камень, поранил себе ногу, и сквернословит, и морщится; ни в чём не повинный камень, который он пнул со злости, с силой бьёт по щиколотке другого воина. Так бьёт, что бедняга валится с ног и стонет...

Пустыня смеялась бы, когда бы умела, и вторила бы ей ночь, окутавшая мглой округу, смеялись бы звёзды, что вышли на небосвод для общего блага: посветить немножко...

Но они молчаливы и безгласны: и крик, и жалоба, и стон, и радость, – то не их удел. И демоны, и страсти, всё это для человека; для пустыни, звёзд и неба – молчание.

Сегодня ночью, и пустыня знает это, они и впрямь могут найти нечто иное, не песок и не камни из тех, что щедро рассыпала она на пути.

Тот, который отец ребёнка, сегодня вдруг почувствовал свою усталость. Много дней подряд проливал он кровь, и поначалу ему давалась радость мести. Ныне он пресытился. Не то чтобы раскаялся, но и убивать больше не хотел. Только не знал, а что же делать, если не убивать. Чем же боль, ту, что в груди, заглушить. Он не видел выхода. Вот если идти по пятам, преследовать, убивать, это понятно. Это какое-то занятие, а без него?

Когда человек устал, он допускает ошибки. Ошибкой было оставлять своё дитя в ближней к стану пещере. Но он оставил. И если тот, которого зовут Мозе, сегодня будет таким же, как всегда, упорным и дотошным, то он найдет.

Ночь. Тишина пустыни сегодня условна. Разве может затихнуть огромный стан совсем? Тут и там сполохи факелов. Костры горят. Отголоски короткого смеха, тут же заглушённого окриками тех, кто хотел бы поспать. Да и не находит причины для смеха народ, какой тут смех, когда смерть бродит где-то рядом...

Мозе, Аарон, с десятков воинов бредут, заглядывая в каждую расщелину между скалами. Где-то здесь, между вот той расщелиной и этой стеной, есть дыра в скале. В ней спит ребёнок. Он беззащитен и слаб. Если бы можно, пустыня прикрыла бы его, укутала так, чтоб не разглядеть этим, рыщущим. И без того ночь сегодня темна до невозможности. А скалы поднимаются в самое небо, чтобы прикрыть луну со звездами.

Но люди так настойчиво ищут, словно знают, что суждено найти.

– Тише! Замерли все! Не дышать! – это приказ Аарона.

Застыли воины, замер и рванувшийся к пещере Мозе.

Ничего не слышно. Всё относительно тихо и спокойно.

– Я что-то слышал, – отвечает Аарон брату, смотрящему на него вопросительно. – Ты знаешь, каков мой слух, Мозе. Я лучше собаки! Помолчите все.

Все и без того молчат, превратившись в изваяния.

Мозе знает, что Аарон необычный, поразительный воин. И то, как остёр его слух, он тоже знает. А в это мгновение в очередной раз успеваешь поразиться тому, каков Аарон как начальник. Вот даже он, Мозе, подчинён Аарону сейчас. Что уж говорить о воинах, они, кажется,

умрут по первому слову брата. Нет, не зря он, Мозе, выбрал дорогу Аарону. Говорят о молодости Мозе, об отсутствии опыта. Но в людях Мозе не ошибается, а разве это не главное в его положении?

Явственно слышен шорох. Потом сонное бормотание: «Отец, отец!»...

На языке Кемет. Хаабиру говорят не так.

Улыбка озаряет лицо Мозе. И улыбкой отвечает ему Аарон. Счастливой улыбкой облегчения.

Дан знак одному из воинов. Тенью проскальзывает тот в пещеру. Несколькими мгновениями позже появляется в проёме, и показывает: можно, внутри безопасно.

Мозе с Аароном проходят внутрь. Лишь один факел горит, он в руках Аарона.

Мальчик спит на холодном камне, съёжившись от холода. Что-то бормочет, временами негромко вскрикивает. Но и свет факела не будит его, утомленного, по-видимому, донельзя. Он только переворачивается во сне, уклоняясь от ненужного света.

Аарон вновь смотрит вопросительно на брата.

Мозе в задумчивости. Придя к решению, присаживается недалеко от мальчика. И жестом зовёт Аарона присоединиться.

Аарон понятлив. Также беззвучно присаживается на камень.

Воин, что предводительствовал отряду, ловит движение руки Аарона. Он понял, кивает головой. Очевидно, что он испытывает некие сомнения, это написано на его лице; но приказ есть приказ, и он вынужден подчиниться. Выйдя из пещеры, он уводит с собой воинов.

Гаснет факел в пещере. Аарон устраивается рядом с мальчиком, в руке его нож.

Всё. Томительное и трудное ожидание. Это последняя ночь из тех, которые ознаменовались пролитием крови и смертью. Убийцу ждут. Не прийти сюда он не может...

Томительно тянется время. Мозе, прислонившийся к стене, мерзнет. Бессмысленна попытка даже задремать, не то, что заснуть. А вот Аарон, тот провалился в сон, он умеет. Все равно при малейшем постороннем шорохе встрепенётся. И быстрее бодрствующего Мозе успеет выскочить из сна, рвануться, сдавить чьё-то горло руками или метнуть нож.

Это же воин Аарон. Это брат самого Мозе! Так говорят о нём люди.

Трудно ждать убийцу, зная, что он творит сейчас там, в стане. Пусть это последняя ночь смертей, но сердце не хочет мириться и с последней жертвой. Кто это может быть, кто падёт сегодня? Будто бы Мозе не знает их, воинов Аарона, или мало знаком со жрецами Атона, или не жаль ему своих хаабиру, которых вытащил он из западни. Все они его, Мозе, люди. Верно, преувеличением было бы сказать, что всех и каждого он любит. Зато он любит спасённые им жизни вообще, да и ту свободу, которую вырвал для них. Разве сам он заплатил малую цену? И неизвестно, сколько ещё придется платить...

Возможно, Мозе и проваливался в сон временами. Но просыпался быстро, с чувством тревоги, сердцебиением. И снова томительно считал мгновения.

На рассвете, когда солнце ещё и не вышло из-за скал, только света прибавило в мире, но не явило лика своего... На рассвете вдруг быстро и бесшумно присел Аарон, и рука его, ножом вооруженная, зависла над спящим мальчиком, в той области, где бьётся сердце. Настояржился, замер потревоженный Мозе. Он ничего не слышал, но он верил Аарону. Что-то же разбудило брата.

– Не надо, раб, не трогай его, – услышали они голос убийцы. – Я достаточно хорош для тебя, возьми меня. Не трогай ребёнка.

Аарон молчал.

– Войди к нам, – ответил Мозе, но не Аарон. – И не бойся, мы не тронем его, когда и ты будешь спокоен, не принесёшь нам зла.

Убийца вошел, остановился посреди пещеры. Солнце там, за её пределами, только что выкатилось на небосвод, а потому пронизало светом все дыры, щели, отверстия в скале. Все,

кому выпала встреча в этот час, в этом странном месте, в сердце пустыни, получили возможность рассмотреть друг друга. Даже ребёнок, чью попытку вскочить с каменного ложа мгновенно пресёк Аарон. Теперь он держал мальчика, насмерть перепуганного, левой рукой у груди, правая же рука его прижимала нож к самому горлу ребёнка.

Возможно, отец слышал биение сердца своего дитяти, Мозе же точно слышал, мог бы поклясться... Пробуждение не из приятных, но, сколько уже народу проснулось в стане куда худшим образом? Под вой и причитания, под плач. Места жалости не было в сердце, вернее, не должно было быть, и Мозе изгнал усилием воли последние её остатки.

Он рассматривал египтянина долго.

Прямоугольной формы схенти [2] на бедрах, ткань передника была когда-то белой, ныне серая, кое-где и чёрная уже, и бахрома местами рваная свисает. Кожаный нагрудник. Значит, воин, раз нагрудник. Связка дешёвых бус, ускух, ожерельем на шее. Глаза не подведены, борода не выбрита, ключьями висит, во все стороны торчком. Голова не покрыта, но и не брита, как у жреца, опять же видно, что не стрижена давно. На ногах сандалии, а кожаные ремешки разной длины, рваные, короткий связан с длинным. Нож в руке.

Не ухожен, да просто грязен. Лицо напряжено, смотрит зло.

– Воин?

Вопрос прозвучал скорей утвердительно. И египтянин лишь кивнул головой в ответ.

– Скажешь, зачем? Не просто же так идёшь по пятам за нами? Не поверю, что из любви к Египту хочешь остановить рабов. Неужели нужны они так, что стране, что тебе; ныне не нужны и египтяне, по себе знаю.

Мозе взялся за собственную бороду, мял и теребил её нещадно, злость отступала как будто при этом. Отросла борода, и нет ни желания, ни возможности проститься с этим украшением. Верно, и сам Мозе выглядит не лучше этого египтянина. Выяснить он бы не рискнул, пожалуй. Но сегодня всё другое, даже вся страна, разве это та Кемет, которую он знал и любил? Всё стало другим, Мозе не исключение.

Египтянин молчал.

– Мор кругом, и горы горят, и град каменный, какого не бывало. И там, откуда шли, да и по дороге так местами. Не ты – военачальники о нас забыли. Так зачем пил кровь моих людей, не из любви же к крови?

Египтянин молчал.

– Аарон, – позвал Мозе.

Аарон сделал движение, позволявшее судить о том, какую фигуру выпишет его нож в следующее мгновение.

– Нет!

Египтянин. Ребёнка он, по крайней мере, любит.

– Ваши шли по дороге. Я о них не вспоминал, они меня вспомнили. Мимо города прошли. А под городом домов много, от мора подальше и я жену увёз, с ребенком, да и тяжелая она была...

Он почти кричал.

– Мне всё рассказывать? Что из дома унесли, унесли. Что дом ломали и портили, тоже плохо, но не вся ещё беда.

Голос его срывался, боль душевная, рвущаяся наружу, была очевидна.

Он замолчал, молчали и Мозе с Аароном. Ясно же, что дальше. И слушать не хочется...

Хриплым голосом, почти неслышно, закончил египетский воин:

– Я, как удалось, из города ушел, отпустил меня сотник. А дома... Служанка на пороге, с головой разбитой. Всё, что в доме было, если не унесено, то разбито, разорвано, испорчено. Её нашёл на постели нашей. Каларизис [3] разорван. Покусана и избита, да и понятно, она египтянка, свободная женщина. Как ей с рабом? Она бы по своей воле никогда... позор ведь...

– А этот – твой сын?

Мозе спросил, чтоб спросить, когда наступило молчание. Пути тишины разорвать. Иногда она такая, тишина, что ушам больно.

– Мой. Только он и от меня прятался. Боялся меня. Он такое видел, что боялся и меня поначалу. Вспомнил потом... Крови сколько из неё вытекло, знаешь? Я тогда подумал, что из ваших тоже будет столько. Я старался. Я хорошо старался?

У Аарона вновь дрогнула рука.

– Нет!

Это уже не египтянин, это Мозе крикнул.

Потом сказал египтянину:

– Хаабиру хотят одного: уйти. Я не знаю, кто мог это сделать. Знаешь сам: из тысячи один бывает зверем. И то потому, что таким его сделал другой. Быть может, я, а может, ты. А может, кто-то третий из нас, египтян...

Но воин не согласился с ним. Качнул головой отрицательно.

– Каждый сам то, что он есть. Ты, египтянин, что идёшь с ними, ещё увидишь это. Ты ещё не раз воспылаешь гневом, когда увидишь, как выходит из них... вот это. Убить, предать, обмануть. Того, кто выше и лучше, унижить. Они же рабы. Раба не сделаешь свободным. Он раб!

Помолчали ещё. Потом встал Мозе, подошёл ближе к египтянину, вызвав неодобрение Аарона. Оно вылилось в возмущённый окрик:

– Мозе!

Но брат не обратил внимания.

Долго стояли друг против друга, глаза в глаза, зрачок в зрачок.

– Иди, – сказал Мозе. – И прости, если можешь. Я не этого хотел... Они будут другими, я вытравлю рабство из них. Но тебе помочь не сумею уже. Мне жаль.

Лязгнул нож, ударившись о камень. Это Аарон в сердцах швырнул его.

Мальчик приник к отцу, теребил отцовское схенти, дёргал, настаивая на уходе. Отец взял сына за руку и повернулся, чтобы уйти.

Каждый человек, живущий на Земле, привык считать земную твердь чем-то прочным и надежным. Когда же она начинает сотрясаться, взрываться, оседать, ускользать из-под ног, его охватывает ужас.

Земля вздрогнула. Её первая судорога длилась всего несколько мгновений. Но какие это были мгновения! Она колебалась, тряслась; слышен был вой вокруг, как будто бы от сильного ветра, и сама земля гудела. Змеёю поползла трещина в скале, начавшись снизу, добежала до свода. Треснула прямо под ногами земля по продолжению. Посыпались камни откуда-то сверху, заскрипели и затрещали стены...

– Мозе, опять, снова, – кричал Аарон, – наружу, наружу!

А снаружи ждало их зрелище невиданное. Впереди, там, где стан, куда лежал путь хаабиру и горсточка египтян, будто пылал пожар. Часть неба была охвачена буровато-оранжевым светом. Свет был неярок, дым застилал его, словно занавес лёг между светом и людьми. Изредка вспышки света слепили глаз, а потом вновь ложился дымный занавес...

– Отец, я не хочу умирать, – кричал ребёнок...

Сильных содроганий, когда взбесившаяся земля вздрагивала чудовищно, уходила из-под ног, было не менее трёх. Но и когда закончилось всё, не перестал пылать пожар на небесах, и долго ещё гудело под ногами.

Люди, в мгновения эти странным образом забывшие обо всём, что разъединяло их, сцепили руки, продолжавшие до сих пор поддерживать и помогать. Но как-то не смогли оторваться друг от друга совсем.

– Ты... вот что... – сказал Мозе. – Если не знаешь, что делать, делай то, что я скажу. Так будет лучше, для тебя, для него.

И он указал перстом на ребёнка.

– Моему столько же, – сказал Мозе задумчиво, ни к кому не обращаясь. Помолчали. Что тут скажешь? И снова заговорил Моше:

– Пойдёшь в Мен нефер Пепи [4], к Весам обеих Земель [5]. Найдёшь человека по имени Па-Риа-масэ-са [6], зрителя Нильского входа. Вручишь послание, оно будет узлами на веревках, и безопасно для тебя: никто не прочтёт. Скоро найдёт тебя Аарон, и даст еды, чтоб мог ты...

Мозе прервал свою речь. Жест отрицания, вырвавшийся у воина, остановил его.

– Пришли другого, – сказал египтянин. Ненависть во взгляде его, брошенном на Аарона, читалась явственно.

– Он мой брат, – ответил Мозе. – Часть сердца моего...

Египтянин пожал плечами.

– Но не моего. Он беглый раб. Он держал в руках жизнь моего ребёнка. И он не отпустил бы меня.

Довольно было и одного взгляда на Аарона, чтобы понять: так и есть. Ответная ненависть очевидна.

Боль кольнула Мозе, ужалила в сердце. И удивление также было чувством, его посетившим. Что не так и почему существует между этими людьми, чего сам Мозе никогда не знал, не чувствовал? Когда тряслась и дыбилась под ними земля, Аарон поднял с земли плачущего ребёнка египтянина, и прижимал его к груди, и держал, и берёт...

– Хорошо, – коротко сказал Мозе. – Придёт другой, жрец из египтян. А ты сделаешь по слову моему. Па-Риа-масэ-са найдёт тебе место и дело. Оно не будет связано с хаабиру. Скажи мне, как звать тебя, воин Кемет, последний из тех, кто убил бывшего раба? Теперь они будут свободны, а ты прощён ими.

– Так и зовут: Бомани [7]...

– Жрец принесёт бирюзы, много, так, чтоб немало утен [8] вмещала, Бомани. Я прикажу. Жди.

Мозе развернулся к своему стану. Взглянул на Аарона, лицо которого выражало безмолвный упрек. Но Аарон молчал, он знал, что тут Мозе решает.

– Пойдем, Аарон. Я устал, но буду говорить с народом. И с тобой тоже, ты поймёшь. Давай не сейчас, но вместе со всеми услышишь ты мой ответ. Я очень устал, брат мой...

И настал день, когда обратился Мозе к народу своему.

Ко всякому, в частности, но через выборных от стана, которых просил прийти.

Остальные стояли или сидели где-то рядом, или где-то вдали, неприглашённые, но желающие слышать пророка. И кто-то, кто был проворней, успел пробраться к скале, где вещал пророк, и даже слышал, а кто-то просил передать дословно по цепи прямо сейчас, что говорит пророк, а кто-то ждал в неведении, с замиранием сердца: что-то расскажут потом люди, о гибели или спасении?

Он говорил с трудом, волнуясь, он часто «спотыкался» на отдельных звуках, с трудом поворачивался его язык, цепляясь за уродливое небо. Но сегодня отбрасывал народ замедленную, неповоротливую речь Мозе, как назойливую муху. Сегодня слушали пророка сердцем, а это совсем не то, что слышать ушами.

Мозе говорил:

«Есть один Бог, один, единственный, лицом Своим к тебе обращённый, народ мой.

Есть демоны, восставшие против воли Его.

Я знаю имена многих из них. И знаю имя твоего Бога. И святую волю Его.

И ты, народ мой, можешь видеть Его, и узнать Его волю.

Мы уходили из Черной земли, оставляя её обессиленной, обескровленной, в болезни, в неведомых доселе муках, когда тряслась земля, и град камней обрушивался на города и поля, и пепел, и дым не давали различить друг друга во мгле...

И не было фараона истинного, под чьей рукою могла бы цвести Кемет, и говорили люди: то наказание Богов. Ты знаешь, народ, Чьё это было наказание. Милостью Божией... наказав Египет, нам дал Он свободу, а впереди и процветание.

Там, впереди, куда лежит наш путь, народ мой, видишь ли ты сияние?

Я говорю тебе: то Его сияние. Огненным столпом идёт впереди стана нашего Он. Не бойтесь же идти вслед за Ним, люди. Гнев Его не нас обращён, пока мы не противимся воле Его, а послушанием своим, народ мой, и вовсе избегнем любого зла.

Все Боги другие – лишь демоны, восставшие против воли Его. И ведут они борьбу за вас. Сердца ваши – место битвы. Верьте же одному Богу, лишь одного Господа имейте в Вашей душе.

Я расскажу, как избавиться от демонов, вы ведь знаете, что злой дух пустыни Азазель [9] побеждён мной. Нет больше страшных смертей в нашем стане. И не будет. До того самого дня, пока не победит вас вновь лукавый демон какой-нибудь, и не подчинитесь вы ему. Хотя знайте, что лишь Господу обязаны волей своей, которую дал Он вам, для добровольного возврата Ему, и только Ему...

Грехи ваши перевешивают добро ваше, свершённое вами. Но есть то, что даст вам спасение: то Его милость...

Вот, возложу я ладони свои на козла, что стоит перед вами, и перенесу грехи ваши на него. Вам же отпущу эти грехи...

Не я – Господь отпускает. И уйдет козел в пустыню к Азазелю, и унесет грехи ваши, и погибнет в пустыне, жертва демона. Он сделает это за вас.

Вы же не погибнете. Вы понесете Его свет в сердце. И будете поступать так всегда отныне, дабы не погиб народ под тяжестью грехов своих, но освобождался от них.

Поглядите на небосвод. Сколько света! Дорога Ваша освещена Им. С такою помощью дойдете вы до страны обетования вашего. И не надо бояться. То, что трясёт Господь, трясёт в наказание стране, откуда вышли вы. То, что градом засыпает, пеплом, так это страну, которую покинули вы. Гнев Божий не над вами. Идите смело...».

И стоял Аарон, брат, слушая Мозе; сверкали глаза его, отражали пламень небесного костра.

Стояла Мери-та-Атон, сестра Мозе, прозванная хаабиру Мариам, и лучились её глаза светом собственной души её, души, которая верит.

И выборные от народа стояли и слушали Мозе. И верили тому, что сказал пророк. Верили в своё будущее, которое будет прекрасно. Первый раз говорил им пророк, вот так, всем вместе, народу целому, и внимали они с радостью и верой.

Всё еще было впереди, только раньше горе, много его, потом радость, и её меньше.

Глава 7. Первая казнь

Я иду в храм Бирюзовой Хат-Хор. Когда я поднимаюсь по Ступеням, я должен уже знать, чего хочу для себя и народа моего.

Первой историей о Черной земле из множества тех, что узнал я позже, стало сказание о Синухе [1]. Мой наставник читал нам его в Храме владычицы Дендер. Верно, не потому что Синухе был самым великим героем Кемет. Меня, тогда уже, пусть я и был мал, возмущало бегство будущего героя при известии о заговоре, угрожавшем Солнцу Кеми. Вместо того, чтобы предупредить о заговоре, или, чего лучше, погибнуть ради спасения фараона, Синухе в страхе бежит из страны. Неужели это правильно? Успехи Синухе за пределами Кеми были впечатляющи, но на месте фараона я не прощал бы измены. Возвратившийся Синухе был бы наказан мной однозначно. Что я любил в этом сказании, так это восхваление Атону. Наставник говорил, что Атон жив на земле вечно, но народ Черной земли узнал его впервые во времена Синухе. И вот за это я полюбил сказание.

Аарон, помню, любил ту часть, где уже владетельный Синухе, полководец и герой, побеждает соперника втрое себя сильней. И перечисляет число стрел, отбитых им, и число ударов... Что в этом интересного? Как всегда, Аарон мечтает о битве. Для меня битва – тоже необходимое условие жизни, только ведь битва может исчисляться не числом стрел и ударов. Это как раз самое простое, такая битва; куда труднее сражаться не на жизнь, а на смерть, когда не стреляют открыто. Когда идет подспудная, тщательно скрываемая борьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.